Твір подається російською мовою через відсутність українського перекладу

Фридрих Дюрренматт

Физики

Комедия в двух действиях

Посвящается Терезе Гизе

Действующие лица

Доктор Матильда фон Цанд — врач-психиатр.

Марта Боль — старшая сестра.

Моника Штеттлер — медицинская сестра.

Уве Сиверс — старший санитар.

Макартур — санитар.

Мурильо — санитар.

Герберт Георг Бейтлер, прозванный Ньютоном, — пациент.

Эрнст Генрих Эрнести, прозванный Эйнштейном, — пациент.

Иоган Вильгельм Мебиус — пациент.

Оскар Розе — миссионер.

Лина Розе — его жена.

Адольф-Фридрих |

Вильфрид-Каспар | их дети.

Иорг-Лукас |

Рихард Фос — инспектор полиции.

Судебный врач.

Гуль — полицейский.

Блохер — полицейский.

Действие первое

Место действия: гостиная уютной, но слегка запущенной виллы в частном санатории "Вишневый сад". Ближайшие окрестности: сначала дикий, а дальше застроенный берег озера; выше тянется небольшой городок. Живописный старинный поселок, облепивший замок, теперь оброс безобразными зданиями страховых компаний и кормится за счет скромного университета с новым корпусом богословского факультета и летними постройками для курсов иностранных языков, ремесленной школы и зубоврачебных курсов, а также пансиона для молодых девиц; работает здесь какое-то не очень солидное предприятие легкой промышленности, забравшееся в глушь, подальше от столичной суеты. Весь пейзаж успокоительно действует на нервы, особенно если подольше поглядеть на синие отроги гор, покрытые лесом гряды холмов и прекрасное озеро; на широкую, дымящуюся клочьями

вечернего тумана равнину, которая растянулась тут же невдалеке. Некогда здесь было унылое болото, но сейчас оно превращено в прорезанную каналами плодородную равнину, где разместилось исправительное заведение с принадлежащими ему сельскохозяйственными угодьями — то здесь, то там видны молчаливые и словно призрачные группы заключенных, которые возделывают землю. Но окрестные дали не играют в пьесе ни малейшей роли и описаны здесь только из врожденной обстоятельности; дело в том, что мы не собираемся покидать виллу или, вернее, сумасшедший дом (наконец-то прозвучало это слово!). Больше того: мы никуда не выйдем из гостиной, потому что автор твердо решил соблюдать единство места, времени и действия; ведь драма, которая разыгрывается среди сумасшедших, должна быть написана по самому строгому классическому канону. Однако ближе к делу. Что касается виллы, то когда-то в ней размещались все пациенты хозяйки сумасшедшего дома, почетного доктора наук и доктора медицины фрейлейн Матильды фон Цанд, — все эти свихнувшиеся аристократы, склеротические политики (на случай, если они в это время не управляли страной), слабоумные миллионеры, шизофреники-писатели и маниакально-депрессивные столпы индустрии, — короче говоря, сливки душевнобольного Запада; дело в том, что фрейлейн доктор — горбатая девица в классическом одеянии людей ее профессии: в белоснежном больничном халате — личность весьма знаменитая, и не только потому, что она последний отпрыск старинного знатного рода, но и потому, что она мировая знаменитость, друг страдающего человечества и врачеватель душевных недугов (ее переписка с К. Г. Юнгом была недавно опубликована). Но самые важные и порою довольно трудные больные уже давно переведены в элегантные, светлые новые здания: если платишь баснословные деньги, то даже наказание за былые грехи можно переносить с удовольствием. Новые пристройки находятся в южной части обширного парка; это множество разнообразных домиков и часовня (с витражами работы Эрни); парк спускается в равнину, а вилла стоит на обсаженной деревьями лужайке, со склоном к озеру. Вдоль берега тянется каменная ограда. В гостиной теперь уже мало населенной виллы обычно находятся три пациента: случайно, а может

быть, и не совсем случайно, все они физики. В санатории царят гуманные порядки, и поэтому здесь не разлучают тех, кому надлежит быть вместе. Каждый из физиков окружил себя, как коконом, своим собственным воображаемым мирком. Трапезы у них совместные, и во время еды они либо обсуждают научные проблемы, либо просто таращат глаза, уставившись в пространство, — милые, безвредные и очень симпатичные психопаты; они сговорчивы и скромны, поэтому уход за ними — удовольствие. Одним словом, их можно было бы считать образцовыми пациентами, если бы недавно не произошло нечто неприятное, более того — чудовищное: один из них три месяца назад удавил свою сиделку. А вот теперь такой же случай произошел снова. И снова в доме появилась полиция — в гостиной против обыкновения людно. Медицинская сестра лежит на паркетном полу в трагической позе, не оставляющей сомнений в том, что она мертва; лучше, если она будет находиться в глубине сцены, чтобы зря не пугать публику. Однако должно быть видно, что здесь происходила борьба; в комнате царит беспорядок: на полу валяются два перевернутых кресла и торшер; слева опрокинут круглый стол, и зрителям видны его ножки. Превращение виллы — здесь когда-то была летняя резиденция Цандов — в психиатрическую лечебницу наложило на нее особый отпечаток. Стена в высоту человеческого роста выкрашена гигиеническим белым лаком, выше видны остатки лепных украшений. В глубине сцены — маленький холл, в нем — три двери, обитые черной клеенкой; они ведут в палаты физиков. Каждая из них обозначена номером — один, два, три. Слева, у входа в холл, нескладно торчит радиатор центрального отопления; справа — умывальник, возле него на металлическом пруте развешены полотенца. Из комнаты номер два (средней) доносятся звуки скрипки и рояля. Играют Бетховена, "Крейцерову сонату". Слева большие окна, от самого пола, покрытого линолеумом, выходят в парк; по обе стороны окон висят тяжелые шторы. Дверь ведет на террасу, сквозь ее каменную балюстраду виден парк при свете ясного ноябрьского дня. Время — половина пятого. Справа над камином — его никогда не зажигают, и он заставлен экраном — в золотой раме портрет старого господина с остроконечной бородкой. На переднем плане справа — дубовая дверь. С темного потолка, крест-накрест

перерезанного балками, спускается тяжелая люстра. Мебель далеко не новая, разношерстная, вокруг круглого стола — три стула; как и стол, они выкрашены в белую краску. Впереди справа — диван со столиком и двумя креслами по бокам; обычно торшер задвинут за диван, чтобы не загромождать комнату. Одним словом, для оформления спектакля, в котором, в отличие от античной трагедии, драма сатиров предшествует самой трагедии, — вещей на сцене должно быть немного. Ну теперь, пожалуй, можно начинать пьесу. Возле трупа хлопочут агенты полиции в штатском; это добродушные парни, которые уже успели выпить вина, и от них разит спиртным. Они что-то вымеряют, берут отпечатки пальцев и тому подобное. Посреди комнаты стоит инспектор полиции Рихард Фос, в шляпе и в пальто; слева — старшая сестра Марта Боль. Вид у нее, как всегда, решительный. В кресле справа сидит полицейский и стенографирует. Инспектор вынимает из коричневого портсигара сигару.

Инспектор. Курить можно?

Старшая сестра. Вы — в лечебном учреждении.

Инспектор. Извините. (Прячет сигару в карман.)

Старшая сестра. Может, выпьете чашку чаю?

Инспектор. Лучше водки.

Старшая сестра. Вы — в лечебном учреждении.

Инспектор. Тогда не надо ничего. Блохер, можешь фотографировать.

Блохер. Слушаю, господин инспектор. (Фотографирует.)

Вспышка света.

Инспектор. Как звали сестру?

Старшая сестра. Ирена Штрауб.

Инспектор. Возраст?

Старшая сестра. Двадцать два. Из Кольванга.

Инспектор. Родственники есть?

Старшая сестра. Брат в восточной Швейцарии.

Инспектор. Его известили?

Старшая сестра. Да, по телефону.

Инспектор. Кто убийца?

Старшая сестра. Я попросила бы, господин инспектор, бедняга ведь болен...

Инспектор. Понятно. Кто виновник?..

Старшая сестра. Эрнст Генрих Эрнести. Мы зовем его Эйнштейн.

Инспектор. Почему?

Старшая сестра. Потому, что он считает себя Эйнштейном.

Инспектор. Ах, вот как! (Полицейскому, который стенографирует.) Гуль, вы записали показания старшей сестры?

Гуль. Так точно, господин инспектор.

Инспектор. Она задушена, доктор?

Судебный врач. Несомненно. Шнуром от торшера. Эти сумасшедшие порою обладают гигантской физической силой. Это прямо поразительно.

Инспектор. Вы так считаете? А я считаю, что непростительна оставлять этих сумасшедших на попечении сиделок. Ведь это уже второе убийство...

Старшая сестра. Я попросила бы, господин инспектор...

Инспектор. ...второй несчастный случай в санатории "Вишневый сад" на протяжении трех месяцев. (Заглядывает в записную книжку.) Двенадцатого августа Герберт Георг Бейтлер, который мнит себя великим физиком Ньютоном, задушил сиделку Доротею Мозер. (Кладет записную книжку в карман.) И в этой же самой гостиной. Если бы здесь были санитары, это никогда бы не случилось.

Старшая сестра. Вы полагаете? Сестра Доротея Мозер была членом спортивного общества по женской борьбе, а сестра Ирена Штрауб — чемпионкой страны по джиу-джитсу.

Инспектор. А вы?

Старшая сестра. А я занимаюсь тяжелой атлетикой.

Инспектор. Могу я, наконец, видеть убийцу?

Старшая сестра. Я попросила бы, господин инспектор...

Инспектор. Понятно... виновника?

Старшая сестра. Он играет на скрипке.

Инспектор. То есть как это играет на скрипке?

Старшая сестра. Вы же слышите сами.

Инспектор. Так пусть он будет любезен прекратить эту игру...

Старшая сестра не обращает внимания на его приказ.

...и я его допрошу.

Старшая сестра. Ничего из этого не выйдет.

Инспектор. То есть как это не выйдет?

Старшая сестра. Мы не можем нарушить врачебный режим. Господин Эрнести в это время должен играть на скрипке.

Инспектор. Да, но, помилуйте, этот тип задушил медицинскую сестру!

Старшая сестра. Господин инспектор! Это — не тип, а больной. Ему надо успокоиться. А поскольку больной считает себя Эйнштейном, он успокаивается только тогда, когда играет на скрипке.

Инспектор. Ей-богу, я, кажется, рехнулся!

Старшая сестра. Ну что вы!

Инспектор. От всего этого ум заходит за разум. (Вытирает пот со лба.) Фу, какая жара!

Старшая сестра. Что вы, тут ничуть не жарко.

Инспектор. Сестра Марта, попросите, сюда, пожалуйста, главного врача.

Старшая сестра. Увы, из этого тоже ничего не выйдет. Фрейлейн доктор аккомпанирует Эйнштейну на фортепьяно. Он успокаивается только тогда, когда фрейлейн доктор ему аккомпанирует.

Инспектор. А три месяца назад фрейлейн доктор играла с больным Ньютоном в шахматы, чтобы он успокоился... Нет, сестра Марта, так дело не пойдет. Я должен поговорить с главным врачом.

Старшая сестра. Пожалуйста. Но тогда вам придется подождать.

Инспектор. И как долго будет продолжаться это пиликание?

Старшая сестра. Четверть часа, а может, и час. Как когда.

Инспектор (с трудом сдерживаясь). Ладно. Я подожду. (Кипит от гнева.) Я подожду!

Блохер. У нас все готово, господин инспектор.

Инспектор (глухо). Я уже, кажется, тоже готов...

Пауза.

(Вытирает пот.) Труп можно вынести?

Блохер. Так точно, господин инспектор.

Старшая сестра. Я покажу вам дорогу через парк в часовню. (Открывает дверь.)

Труп выносят. Потом убирают все, чем пользовалось следствие. Инспектор снимает шляпу и в изнеможении усаживается в кресло слева от дивана. За сценой все время слышны звуки скрипки и рояля. Из комнаты номер три выходит Герберт Георг Бейтлер в костюме начала XVIII века и в парике.

Ньютон. Сэр Исаак Ньютон.

Инспектор. Инспектор полиции Рихард Фос. (Продолжает сидеть.)

Ньютон. Рад. Очень рад. Поверьте. Я слышал какую-то суматоху, стоны, хрипы. Потом тут бродили какие-то люди. Можно вас спросить, что здесь произошло?

Инспектор. Задушили сестру Ирену Штрауб.

Ньютон. Чемпионку страны по джиу-джитсу?

Инспектор. Вот именно, чемпионку.

Ньютон. Какой ужас!

Инспектор. Ее задушил Эрнст Генрих Эрнести.

Ньютон. Но ведь он играет на скрипке.

Инспектор. Ему нужно успокоиться.

Ньютон. Да, видно, борьба с ней его утомила. Он такой хилый… чем он ее?..

Инспектор. Шнуром от торшера.

Ньютон. Шнуром от торшера? Да, конечно, можно и так. Ох уж этот Эрнести. Мне его жаль. В высшей степени жаль. Да и мастера спорта жаль. Разрешите? Мне нужно тут немножко убрать.

Инспектор. Пожалуйста. Протокол уже составлен.

Ньютон(поднимает и ставит на место стол, а затем расставляет стулья). Не переношу беспорядка. Я и физиком стал только из любви к порядку. (Поднимает и ставит на место торшер.) Чтобы в мнимом беспорядке природы обнажить высший порядок. (Закуривает сигарету.) Вам не мешает, что я курю?

Инспектор (радостно). Напротив, я... (Вынимает из кармана портсигар.)

Ньютон. Прошу меня извинить, но мы как раз говорили о порядке. Здесь разрешается курить только пациентам. Если будут курить посетители, вся гостиная пропахнет дымом.

Инспектор. Понятно. (Сует портсигар в карман.)

Ньютон. Вам не помешает, если я выпью рюмку коньяку?

Инспектор. Ничуть!

Ньютон (вынимает из-за решетки камина бутылку коньяка и рюмку). Ах этот Эрнести! Я никак не могу прийти в себя. Как он мог удушить свою сиделку? (Садится на диван и наливает себе коньяку.)

Инспектор. Но вы ведь тоже задушили свою сиделку.

Ньютон. Я?

Инспектор. Сестру Доротею Мозер.

Ньютон. Чемпионку по борьбе?

Инспектор. Ну да, двенадцатого августа. Шнуром от портьеры.

Ньютон. Но это же совсем другое дело, господин инспектор. Я-то ведь не сумасшедший! За ваше здоровье!

Инспектор. И за ваше.

Ньютон пьет.

Ньютон. Сестра Доротея Мозер. Припоминаю. Светлая блондинка. Но какая силачка! И как гибка, несмотря на свою полноту. Я ее любил, и она любила меня. Меня мог спасти только шнур от портьеры.

Инспектор. Спасти?

Ньютон. Моя задача — размышлять о земном тяготении, а не любить женщин.

Инспектор. Понятно.

Ньютон. К тому же у нас была значительная разница в возрасте!

Инспектор. Конечно. Вам ведь, должно быть, лет двести с хвостиком.

Ньютон (уставился на него с удивлением). То есть как?

Инспектор. Да как же, Ньютон... небось...

Ньютон. Вы что — тронутый или представляетесь?

Инспектор. Эй вы, послушайте...

Ньютон. Вы серьезно верите, что я Ньютон?

Инспектор. Нет, но вы в это верите.

Ньютон (подозрительно осматривается по сторонам). Могу я доверить вам тайну, господин инспектор?

Инспектор. Конечно.

Ньютон. Я вовсе не сэр Исаак. Я только выдаю себя за Ньютона.

Инспектор. Зачем?

Ньютон. Чтобы не раздражать Эрнести.

Инспектор. Ничего не понимаю.

Ньютон. Ведь Эрнести не то, что я, он действительно болен. Воображает себя Альбертом Эйнштейном.

Инспектор. А вы-то тут при чем?

Ньютон. Если бы Эрнести узнал, что на самом деле Альберт Эйнштейн — это я, вы не представляете, как бы он взбесился!

Инспектор. Вы хотите сказать...

Ньютон. Совершенно верно. Знаменитый физик, создатель теории относительности — это я. Родился 14 марта 1879 года в городе Ульме.

Инспектор поднимается в легкой растерянности.

Инспектор. Очень рад...

Ньютон также поднимается.

Ньютон. Зовите меня просто Альберт.

Инспектор. А вы меня Рихард.

Пожимают друг другу руки.

Ньютон. Могу вас заверить, что в моем исполнении "Крейцерова соната" звучит гораздо темпераментнее, чем у Эрнста Генриха Эрнести. Анданте он играет просто варварски.

Инспектор. Я ничего не понимаю в музыке.

Ньютон. Давайте сядем. (Усаживает инспектора на диван и кладет ему руку на плечо.) Рихард!

Инспектор. Альберт?

Ньютон. Вы небось очень сердитесь, что не можете меня арестовать?

Инспектор. Что вы, Альберт...

Ньютон. Скажите, а за что вы предпочли бы меня арестовать? За то, что я задушил свою сиделку, или за то, что я открыл пути для создания атомной бомбы?

Инспектор. Помилуйте, Альберт…

Ньютон. А что произойдет, если повернуть выключатель у двери?

Инспектор. Зажжется свет.

Ньютон. Вы включите электрический ток. Вы понимаете что-нибудь в электричестве, Рихард?

Инспектор. Я ведь не физик.

Ньютон. Я также мало понимаю в этом. Я создаю на основе наблюдений над природою теорию электричества. Я излагаю эту теорию на языке математики и получаю в результате формулы. Затем приходят техники. Им нужны только формулы. Они обращаются с электричеством, как сутенер с проституткой. Они его эксплуатируют. Они делают машины, но машины могут работать только тогда, когда они независимы от науки, которая их породила. Вот почему любой осел может сегодня зажечь электрическую лампочку или взорвать атомную бомбу. (Похлопывает инспектора по плечу.) И вы собираетесь меня за это арестовать, Рихард? Это нечестно.

Инспектор. Я вовсе не собираюсь вас арестовывать, Альберт.

Ньютон. Да, но только потому, что, по-вашему, я — сумасшедший. Но почему же тогда вы решаетесь включать и выключать свет, ничего не понимая в электричестве? Это вы преступник, Рихард. Но я должен припрятать свой коньяк, не то старшая сестра Марта Боль на меня накинется. (Прячет бутылку коньяка за каминную решетку, оставляя на столе рюмку.) Прощайте.

Инспектор. Прощайте, Альберт.

Ньютон. Вам бы надо арестовать самого себя, Рихард. (Снова исчезает в комнате номер три.)

Инспектор. Я все же закурю. (Вынимает из портсигара сигару, закуривает, затягивается.)

Из двери в сад входит Блохер.

Блохер. Мы готовы, господин инспектор. Поехали?

Инспектор (топает ногой). Я жду! Главного врача!

Блохер. Так точно, господин инспектор.

Инспектор (успокоившись, бурчит). Бери людей и возвращайся в город, Блохер. Я скоро приеду.

Блохер. Так точно, господин инспектор.

Блохер уходит.

Инспектор выпускает изо рта клубы дыма, встает, сердито расхаживает по гостиной, останавливается перед портретом, висящим над камином, рассматривает его. Звуки скрипки и рояля затихают. Дверь из комнаты номер два открывается, и оттуда появляется фрейлейн доктор Матильда фон Цанд. Ей лет пятьдесят пять, она горбата, на ней белый врачебный халат, в карманчике торчит стетоскоп.

Доктор. Это мой отец, тайный советник Август фон Цанд, он жил в этой вилле, пока я не устроила здесь санаторий. Великий был человек,

праведник. А я — его единственная дочь. Он ненавидел меня, он вообще всех ненавидел. И правильно делал — ведь крупные дельцы видят такие темные пропасти человеческой души, какие нам, психиатрам, недоступны. Уж такие мы, психиатры, безнадежные романтики — любим людей.

Инспектор. Три месяца назад здесь висел другой портрет.

Доктор. Да, то был портрет моего дяди, политического деятеля, канцлера Иохнма фон Цанд. (Кладет на стол ноты.) Ну вот, Эрнести успокоился. Лег в постель и заснул. Как ребенок. И я могу наконец свободно вздохнуть. А то я боялась, что он заставит меня играть с ним еще третью сонату Брамса. (Садится в кресло слева от дивана.)

Инспектор. Извините меня, фрейлейн доктор фон Цанд, что я нарушил ваш распорядок и курю, но...

Доктор. Курите, курите, инспектор. Мне сейчас надо самой выкурить сигарету, даже если старшая сестра Марта будет недовольна. Дайте мне огня.

Инспектор дает ей прикурить.

(Курит.) Чудовищно. Бедная сестра Ирена. Чистейшее существо. (Замечает рюмку.) Это Ньютон?

Инспектор. Это я.

Доктор. Лучше я уберу рюмку.

Инспектор опережает ее и прячет рюмку за каминную решетку.

Не надо сердить старшую сестру.

Инспектор. Понятно.

Доктор. Вы побеседовали с Ньютоном?

Инспектор. Да, я кое-что у него выяснил. (Садится на диван.)

Доктор. Поздравляю.

Инспектор. Дело в том, что Ньютон тоже считает себя Эйнштейном.

Доктор. Да, он это всем рассказывает. Но в глубине души он считает себя Ньютоном.

Инспектор (удивленно). Вы в этом уверены?

Доктор. Кем считают себя мои пациенты, устанавливаю я. Ведь я знаю их куда лучше, чем они знают себя сами.

Инспектор. Возможно. Но тогда вы должны нам помочь, фрейлейн доктор. Власти предприняли шаги.

Доктор. Прокурор?

Инспектор. Ну, он просто рассвирепел.

Доктор. Делать ему нечего, Фос.

Инспектор. Два убийства...

Доктор. Прошу вас, господин инспектор...

Инспектор. ...два несчастных случая. За три месяца. Вы должны признать, что в вашем заведении не приняты надлежащие меры безопасности.

Доктор. А как вы себе представляете эти меры безопасности, господин инспектор? У меня лечебное учреждение, а не исправительный дом. Вы ведь и сами не можете арестовать убийцу, прежде чем он не убил.

Инспектор. Речь идет не об убийцах, а о сумасшедших, а они могут убить в любой момент.

Доктор. Со здоровыми это случается еще чаще. Вот я вспоминаю своего деда Леонида фон Цанд, генерал-фельдмаршала, и войну, которую он проиграл... В каком веке мы с вами живем? Разве медицина не ушла вперед? Разве у нас нет новых лечебных средств, лекарств, которые превращают буйно помешанных в кротких овечек? Неужели мы по-прежнему должны запирать своих больных в одиночные камеры и надевать на них смирительные рубашки? Как будто мы не умеем отличать опасных пациентов от безопасных.

Инспектор. Однако это ваше умение не помогло в случаях с Бейтлером и Эрнести.

Доктор. Увы! Это меня и беспокоит, а не ваш рассвирепевший прокурор.

Из комнаты номер два выходит Эрнести; в руках у него скрипка. Это худой, усатый человек с седыми, как лунь, длинными волосами.

Эйнштейн. Ну вот, я проснулся.

Доктор. Однако, профессор...

Эйнштейн. Я хорошо сегодня играл?

Доктор. Бесподобно, профессор.

Эйнштейн. А сестра Ирена Штрауб...

Доктор. Не надо об этом думать, профессор.

Эйнштейн. Тогда я, пожалуй, посплю еще.

Доктор. Вот это чудесно, профессор!

Эйнштейн возвращается в свою комнату. Инспектор вскакивает с места.

Инспектор. Так это он!

Доктор. Эрнст Генрих Эрнести.

Инспектор. Убийца...

Доктор. Я прошу вас, господин инспектор...

Инспектор. Ну, тот, который считает себя Эйнштейном? Когда его к вам поместили?

Доктор. Два года назад.

Инспектор. А Ньютона?

Доктор. Год назад. Оба они неизлечимы. Понимаете, Фос, я в моей профессии, слава богу, не новичок, это знаете и вы и прокурор — он всегда считался с моим диагнозом. Мой санаторий славится на весь

мир, и плату я беру соответствующую. Ошибок я не могу себе позволить, а происшествий, которые привлекают в мой санаторий полицию, тем более. Если и можно говорить об ошибках, то это ошибка медицины, а не моя. Оба эти несчастные случая нельзя было предусмотреть — ведь и вы и я с тем же успехом могли удушить сиделку. Медицина но знает объяснений для таких случаев. (Берет новую сигарету.)

Инспектор дает ей прикурить.

Инспектор, а вам ничего не приходит в голову?

Инспектор. В каком смысле?

Доктор. Подумайте об этих больных.

Инспектор. Ну?..

Доктор. Оба они физики. Атомщики.

Инспектор. Ну?..

Доктор. Вы недостаточно наблюдательны.

Инспектор (напряженно думает). Фрейлейн доктор...

Доктор. Да, Фос?..

Инспектор. Вы полагаете?..

Доктор. Оба работали с радиоактивными веществами.

Инспектор. И вы подозреваете, что это связано?..

Доктор. Я только констатирую факты. Оба сошли с ума, у обоих заболевание развивается, оба представляют опасность для окружающих, оба удушили своих сиделок.

Инспектор. Вы думаете, что психические заболевания могут быть следствием радиоактивности?

Доктор. К сожалению, я должна предусмотреть такую возможность.

Инспектор(оглядывается). Куда ведет эта дверь? Доктор. В переднюю, в зеленую гостиную, на верхний этаж.

Инспектор. Сколько пациентов еще находится здесь?

Доктор. Трое.

Инспектор. Только?

Доктор. Сразу же после первого несчастного случая все остальные были переведены в новое здание. К счастью, мне вовремя удалось его закончить. Средства мне обеспечили богатые пациенты и мои родственники. Вое они один за другим поумирали. Главным образом тут, у меня. И я осталась единственной наследницей. Судьба, Фос. Я всегда остаюсь единственной наследницей. Род у нас такой древний, что только чудом медицины можно объяснить, почему я сама более или менее нормальная, — я имею в виду свою психику.

Инспектор (задумался). А третий пациент?

Доктор. Тоже физик.

Инспектор. Странно. Вы не находите?

Доктор. Ничуть. Я распределяю своих пациентов. Писателей к писателям, тузов промышленности к тузам промышленности, миллионерш к миллионершам и физиков к физикам.

Инспектор. Его фамилия.

Доктор. Иоган Вильгельм Мебиус.

Инспектор. От тоже работал с радиоактивным веществом?

Доктор. Нет.

Инспектор. А он не может...

Доктор. Он у меня пятнадцать лет, все в одном и том же состоянии, совершенно безобиден.

Инспектор. Фрейлейн доктор, прокурор категорически требует, чтобы к вашим физикам были приставлены санитары. Вам этого но избежать.

Доктор. Хорошо.

Инспектор (берет шляпу). Превосходно. Меня радует, что вы это понимаете. Я был всего два раза в "Вишневом саду", доктор фон Цанд. И от души надеюсь, что больше мне здесь бывать не придется. (Надевает шляпу и уходит налево, через дверь, ведущую на террасу и оттуда — в парк.)

Доктор Матильда фон Цанд задумчиво смотрит ему вслед. Справа входит старшая сестра Марта Боль.

Старшая сестра (принюхивается, возмущенно). Прошу вас, фрейлейн доктор...

Доктор. О! Извините меня. (Гасит сигарету.) Тело убрали?

Старшая сестра. Да. Оно под органом.

Доктор. Поставьте там свечи и возложите венки.

Старшая сестра. Я уже позвонила садовнику.

Доктор. Как себя чувствует тетя Зента?

Старшая сестра. Она возбуждена.

Доктор. Удвойте дозу. А кузен Ульрих?

Старшая сестра. Без перемен.

Доктор. К сожалению, я вынуждена нарушить одну из традиций "Вишневого сада". До сих пор у нас были только сиделки. Завтра медицинских сестер сменят санитары.

Старшая сестра. Фрейлейн доктор Матильда фон Цанд, предупреждаю вас, что я никому не отдам моих трех физиков. Это самые интересные случаи в моей медицинской практике.

Доктор. Своего решения я не изменяю.

Старшая сестра. Интересно, где вы возьмете санитаров? При нынешней-то нехватке рабочей силы!

Доктор. Это уж моя забота. Эта Мебиус пришла?

Старшая сестра. Они в зеленой гостиной.

Доктор. Попросите их сюда.

Старшая сестра. Вот история болезни Мебиуса.

Доктор. Благодарю вас.

Старшая сестра (отдает историю болезни и идет направо, у двери она оборачивается). Но все же...

Доктор. Прошу вас, старшая сестра Марта, прошу вас...

Старшая сестра выходит. Доктор фон Цанд кладет историю болезни на круглый стол и просматривает ее. Справа старшая сестра вводит Лину Розе и трех мальчиков четырнадцати, пятнадцати и шестнадцати лет. У старшего в руках портфель. Шествие замыкает миссионер Розе. Доктор приподнимается.

Моя дорогая госпожа Мебиус...

Лина Розе. Розе. Жена миссионера Розе. Вас это, конечно, глубоко поразит, но я не могу от вас скрыть, что три недели назад я вышла замуж за миссионера Розе. Может, это поспешный шаг, мы ведь познакомились только в сентябре, на одной конференции... (Краснеет и беспомощно кивает на своего нового мужа.) Оскар был вдовцом.

Доктор (пожимает ей руку). Поздравляю, поздравляю от всей души. И вас также, господин миссионер. Желаю вам счастья. (Кивает ему головой.)

Лина Розе. Вы одобряете наш поступок?

Доктор. Ну конечно! Жизнь ведь не остановишь.

Миссионер Розе. Как здесь тихо! Как мирно. На этом доме божие благословение. Как говорится в псалме: господь внемлет сирым и не пренебрегает узниками.

Лина Розе. Оскар — прекрасный проповедник, фрейлейн доктор! (Краснеет.) А это мои малютки.

Доктор. Здравствуйте, мальчики.

Трое мальчиков. Здравствуйте, доктор!

Младший поднимает что-то с пола.

Иорг-Лукас. Шнур от лампы, фрейлейн доктор. Он лежал на полу.

Доктор. Спасибо, мой мальчик. У вас чудесные мальчики, госпожа Розе. Вы можете с надеждой взирать на будущее.

Лина Розе садится на диван справа, доктор — за стол слева. Позади дивана разместились трое мальчиков, в кресле справа — миссионер Розе.

Лина Розе. Я привела своих малюток не зря. Оскар принял пост миссионера на Марианских островах.

Миссионер Розе. На Тихом океане.

Лина Розе. И я сочла неправильным, чтобы мои малыши уехали, так и не узнав своего отца. Они должны его повидать в первый и последний раз. Ведь они были слишком малы, когда он заболел, а теперь им надо хоть попрощаться с ним, может быть, навеки.

Доктор. С медицинской точки зрения это, может быть, противопоказано, но по-человечески я вас понимаю. И я разрешаю вам эту встречу.

Лина Розе. Как поживает мой Иоган Внльгельмхен?

Доктор (заглядывает в историю болезни). Состояние нашего милого Мебиуса не ухудшается, по и по улучшается. Он по-прежнему живет в своем вымышленном мире.

Лина Розе. Он продолжает уверять, будто ему является царь Соломон?

Доктор. Да, по-прежнему.

Миссионер Розе. Какое пагубное заблуждение!

Доктор. Ваша строгость меня несколько удивляет, господии Розе. Как человек духовного звания, вы ведь должны считаться с возможностью чуда.

Миссионер Розе. Само собой разумеется, но не при психическом заболевании.

Доктор. Что касается видений, которые посещают душевнобольных, то не дело психиатрии судить, насколько они реальны. Все, что нас должно заботить, — это состояние психики больного и его нервной системы, а с этим у нашего Мебиуса довольно печально, хотя болезнь его протекает достаточно вяло. Помочь ему? Боже мой! Курс инсулина, правда, мог быть уместен, но, поскольку остальные способы лечения были безрезультатны, я отказалась и от этого. Я, госпожа Розе, увы, но волшебница и не могу вернуть нашему милому Мебиусу здоровье, но мучить я его тоже не хочу.

Лина Розе. А он знает, что я... я хочу сказать, знает ли он о нашем разводе.

Доктор. Я ему сообщила.

Лина Розе. Он понял?

Доктор. Его теперь мало интересует все, что происходит в мире.

Лина Розе. Поймите меня, доктор. Я на пять лет старше Иогана Вильгельма. Я познакомилась с ним в доме моего отца, где он пятнадцатилетним гимназистом снимал каморку на чердаке. Он был сиротой и нищ, как церковная крыса. Я помогла ему получить аттестат зрелости, а затем стать студентом-физиком. В тот день, когда ему исполнилось двадцать лет, мы поженились. Вопреки воле моего отца. Мы работали день и ночь. Он писал свою диссертацию, а я поступила на службу в транспортную контору. Четыре года спустя родился наш старший Адольф-Фридрих, а за ним и эти двое малюток. Наконец появилась надежда, что он станет профессором и мы сможем вздохнуть, но тут Иоган Вильгельм заболел, и его болезнь стоила огромных средств. Я поступила на шоколадную фабрику, чтобы прокормить семью. К Тоблеру. (Молча вытирает слезы.) Всю жизнь я мучилась...

Все взволнованы.

Доктор. Вы — мужественная женщина!

Миссионер Розе. И хорошая мать!

Лина Розе. До сих пор я платила за пребывание Иогана Вильгельма в вашем санатории. Это было свыше моих сил, но бог неизменно приходил мне на помощь. Теперь мои средства исчерпаны. И я не смогу больше вносить платы за санаторий.

Доктор. Понятно.

Лина Розе. Я боюсь, как бы вы но подумали, будто я вышла замуж за Оскара только для того, чтобы избавиться от забот о Иогане Вильгельме. Это не так. Мне стало еще тяжелее. Оскар принес в семью шестерых своих мальчиков.

Доктор. Шестерых?

Миссионер Розе. Шестерых.

Лина Розе. Шестеро. Оскар такой страстный отец. А сейчас, когда нам надо прокормить девять человек детей, а Оскар и так человек не очень сильного здоровья, и жалованье у него нищенское... (Плачет.)

Доктор. Не надо, не надо, не плачьте.

Лина Розе. Я так кляну себя, что бросила бедного Иогана Вильгельма на произвол судьбы.

Доктор. Госпожа Розе! Не нужно так убиваться!

Лина Розе. Иогана Вильгельма придется теперь наверняка перевести в казенный сумасшедший дом.

Доктор. Ни в коем случае. Наш милый Мебиус останется здесь, у нас. Даю вам слово. Он так здесь привык и нашел приятных товарищей по профессии. Не такой уж я изверг, в конце концов!

Лина Розе. Вы так добры ко мне. доктор.

Доктор. Да нет, вовсе нет. На свете существуют благотворительные общества. Благотворительный фонд Оппеля для больных ученых, фонд,

учрежденный доктором Штейнеманом. Денег вокруг куры не клюют, и мой врачебный долг позаботиться о том, чтобы кое-что перепало и на долю Иогана Вильгельма. Вы можете со спокойной душой уезжать на Марианские острова. Однако пора нам пригласить сюда нашего Мебиуса. (Идет в глубину сцены, откроет дверь номер один.)

Лина Розе в волнении поднимается.

Дорогой Мебиус, к вам пришли гости. Оставьте пока вашу келью и выйдите сюда.

Из комнаты номер один выходит Иоган Вильгельм Мебиус, чуть-чуть нескладный человек лет сорока. Он оглядывает гостиную, замечает Лину Розе, затем мальчиков и, наконец, миссионера Розе, смотрит на них непонимающим взглядом и молчит.

Лина Розе. Иоган Вильгельм!

Трое мальчиков. Папа!

Мебиус молчит.

Доктор. Милый Мебиус. Вы, надеюсь, узнали вашу супругу.

Мебиус (пристально смотрит на Лину Розе). Лина?

Доктор. Сознание проясняется, Мебиус. Конечно, это ваша Лина.

Мебиус. Здравствуй, Лина.

Лина Розе. Иоган Вильгельм, дорогой, дорогой мой Иоган Вильгельм!

Доктор. Ну вот. Не буду вам мешать. Если вы захотите со мной еще поговорить, вы найдете меня в новом здании. (Уходит через левую дверь.)

Лина Розе. Это твои малютки, Иоган Вильгельм.

Мебиус(вздрагивает). Трое?

Лина Розе. Конечно, Иоган Вильгельм, трое. (Подталкивает мальчиков к нему.) Адольф-Фридрих, твой старший.

Мебиус пожимает ему руку.

Мебиус. Очень рад, Адольф-Фридрих, мой старший.

Адольф-Фридрих. Здравствуй, папочка.

Мебиус. Сколько тебе лет, Адольф-Фридрих?

Адольф-Фридрих. Шестнадцать, папочка.

Мебиус. Кем ты хочешь быть?

Адольф-Фридрих. Священником, папочка.

Мебиус. Ах да, помню. Я вел тебя за руку по площади святого Иосифа. Солнце ярко светило, и тени были словно вычерчены... (Обращается ко второму сыну.) А ты... как тебя...

Вильфрид-Каспар. Меня зовут Вильфрид-Каспар, папочка.

Мебиус. Тебе четырнадцать?

Вильфрид-Каспар. Пятнадцать. Я хотел бы изучать философию.

Мебиус. Философию?

Лина Розе. Он необыкновенно развитой ребенок.

Вильфрид-Каспар. Я читал Шопенгауера и Ницше.

Лина Розе. А вот младший сын Иорг-Лукас, ему четырнадцать лет.

Иорг-Лукас. Здравствуй, папочка.

Мебиус. Здравствуй, Иорг-Лукас, мой младший сын.

Лина Розе. Он больше всех на тебя похож.

Иорг-Лукас. Я хочу стать физиком, папочка.

Мебиус (в ужасе смотрит на младшего сына). Физиком?

Иорг-Лукас. Да, папочка.

Мебиус. Нет, не надо, Иорг-Лукас, не смей! Ни в коем случае. Выбрось это из головы. Я.. я тебе запрещаю.

Иорг-Лукас(смущен). Но ты ведь сам физик, папочка.

Мебиус. Я тоже не должен был заниматься физикой. Никогда. Я не был бы тогда в сумасшедшем доме.

Лина Розе. Но, Иоган Вильгельм, ты ошибаешься. Ты в санатории, а не в сумасшедшем доме. У тебя расстроены нервы, вот и все.

Мебиус (качает головой). Нет, Лина. Меня считают сумасшедшим. Все. И ты тоже. И мои мальчики. Мне ведь является царь Соломон.

Все смущенно молчат. Лина Розе показывает на миссионера Розе.

Лина Розе. Я хочу представить тебе Оскара Розе. Это мой муж. Он миссионер.

Мебиус. Твой муж? Но ведь я — твой муж.

Лина Розе. Уже нет, Иоган Вильгельм. (Краснеет.) Мы ведь с тобой разведены.

Мебиус. Разведены?

Лина Розе. Разве ты не знаешь?

Мебиус. Нет.

Лина Розе. Доктор фон Цанд тебе сообщила. Наверняка.

Мебиус. Может быть.

Лина Розе. А потом я вышла замуж за Оскара. У него шестеро детей. Мальчиков. Он был пастором в Гутаннах, а сейчас получил место на Марианских островах.

Мебиус. На Марианских островах?

Миссионер Розе. В Тихом океане.

Лина Розе. Послезавтра мы отплываем из Бремена.

Мебиус. Ах, так. (Разглядывает миссионера Розе.)

Все смущены.

Лина Розе. Да. Именно так.

Мебиус (кланяется миссионеру Розе). Очень рад познакомиться с новым отцом моих мальчиков.

Миссионер Розе. Я полюбил их всем сердцем, господин Мебиус, всех троих. Бог нам поможет, недаром сказало в псалме: господь, пастырь мой, и не будет мне ни в чем нужды.

Лина Розе. Оскар помнит все псалмы наизусть. И псалмы царя Давида, и псалмы царя Соломона.

Мебиус. Я рад, что у моих мальчиков теперь будет заботливый отец. Ведь я, как отец, ничего не мог им дать.

Мальчики протестуют.

Трое мальчиков. Нет, папочка, не говори так!

Мебиус. И Лина нашла себе достойного мужа.

Лина Розе. Ах, Иоган Вильгельм...

Мебиус. Я поздравляю тебя от всего сердца.

Лина Розе. Нам пора уезжать...

Мебиус. ...на Марианские острова.

Лина Розе. И проститься друг с другом.

Мебиус. Навеки.

Лина Розе. Твои мальчики на редкость музыкальны, Иоган Вильгельм. Они так мило играют на флейтузе. Сыграйте папе что-нибудь на прощание, малютки!

Трое мальчиков. Хорошо, мамочка.

Адольф-Фридрих открывает портфель и вынимает оттуда флейтузы.

Лина Розе. Садись, Иоган Вильгельм.

Мебиус садится за круглый стол. Лина Розе и миссионер усаживаются на диван. Мальчики становятся в ряд посреди гостиной.

Что-нибудь из Букстехуде.

Адольф-Фридрих. Раз, два, три...

Мальчики играют на флейтузах.

Лина Розе. Задушевней, дети, больше чувства!

Мальчики играют задушевней.

Мебиус (вскакивает). Не надо! Прошу вас, не надо!

Мальчики сбиваются и умолкают.

Больше но играйте. Прошу вас. Ради царя Соломона. Не надо больше играть.

Лина Розе. Но, помилуй, Иоган Вильгельм...

Мебиус. Пожалуйста, не играйте. Пожалуйста, не играйте. Пожалуйста, пожалуйста.

Миссионер Розе. Но ведь и сам царь Соломон радовался бы игре этих невинных младенцев. Подумайте: сам Соломон псалмопевец, Соломон творец Песни песней.

Мебиус. Я стоял с царем Соломоном лицом к лицу. Он больше не великий царь в золотых одеждах, воспевший Суламифь и молодых серн, которые паслись среди роз, он скинул пурпурную мантию! (Внезапно бросается мимо своего испуганного семейства в глубину сцены, к своей комнате, и распахивает туда дверь.) Нагой и вонючий, он корчится в моей комнате, этот бедный владыка Истины, и псалмы его стали страшны. Слушайте вы, миссионер, вы любите псалмопения и знаете их все наизусть, а ну-ка, выучите и этот псалом. (Идет к круглому столу, переворачивает его вверх ножками, забирается в середину и усаживается там.) Псалом царя Соломона, предназначенный для исполнения путешествующими в мировом пространстве:

Мы ринулись в просторы вселенной

К пустыням Луны.

Мы погрузились в ее пыль.

Многие там погибли,

Но большинство сварилось

В свинцовых парах Меркурия, растворилось

В нефтяных лужах Венеры, и

Даже на Марсе жрало нас Солнце —

Громовое, радиактивное, желтое.

Юпитер смердел.

Стремительно вращающийся шар метановой каши

Так властно висел над нами.

Что мы блевали на Ганимеда.

Лина Розе. Бог с тобой, Иоган Вильгельм!..

Мебиус.

О Сатурне мы вспоминали с проклятьями,

А что было дальше — не стоит разговора.

Уран, Нептун —

Серо-зеленоватые, обледенелые.

О Плутоне и Трансплутоне мы уже напоследок

Отпускали непристойные шутки.

Мы уже давно спутали Солнце с Сириусом,

Сириус с Канопусом.

Отверженные, мы мчались в глубины глубин

По направлению к белым звездам,

Которых все равно никогда бы не достигли.

Мы давно стали мумиями в наших кораблях,

Высохшими, покрытыми коростой грязи.

И в нашем оскале нет и тени воспоминания

О живом дыхании Земли.

Старшая сестра входит справа в гостиную вместе с сестрой Моникой.

Старшая сестра. Бог с вами, господин Мебиус.

Мебиус сидит в оцепенении внутри перевернутого стола, и лицо его безучастно как маска.

Мебиус. Вон! Убирайтесь вы все!.. На Марианские острова.

Лина Розе. Иоган Вильгельм...

Трое мальчиков. Папочка...

Мебиус. Убирайтесь. Скорей... на Марианские острова! (Угрожающе встает.)

Семейство Розе перепугано.

Старшая сестра. Пойдемте, госпожа Розе, идемте, мальчики, пойдемте, господин миссионер. Он должен успокоиться, вот и все.

Мебиус. Вон! Вон! Вон!

Старшая сестра. Это небольшой приступ. Сестра Моника побудет с ним и его успокоит. Это небольшой приступ.

Мебиус. Выметайтесь. Живо! И навсегда! На Тихий океан!

Иорг-Лукас. Прощай, папочка, прощай...

Старшая сестра уводит перепуганное, плачущее семейство в дверь направо.

Мебиус (кричит им вслед). Я не хочу вас больше видеть! Вы оскорбили царя Соломона. Будьте вы прокляты! Ступайте на дно вместе со всеми Марианскими островами, на одиннадцать тысяч метров вглубь, пропадите вы пропадом в самой черной дыре океана, забытые богом и людьми.

Сестра Моника. Мы теперь одни. Ваши родные вас больше не слышат.

Мебиус (с изумлением глядит на сестру Монику, наконец, по-видимому, приходит в себя). Ах так, ну, конечно...

Сестра Моника молчит.

(Несколько смущен.) Я и правда был немного несдержан?

Сестра Моника. Да, порядком.

Мебиус. Я должен был сказать им правду.

Сестра Моника. Еще бы.

Мебиус. Я был так взволнован.

Сестра Моника. Вы представлялись.

Мебиус. Вы меня раскусили?

Сестра Моника. Вы уже два года на моем попечении.

Мебиус (ходит взад и вперед. Затем останавливается). Ладно. Сдаюсь. Я действительно изображал сумасшедшего.

Сестра Моника. Зачем?

Мебиус. Чтобы навсегда распрощаться со своей женой и сыновьями. Навсегда.

Сестра Моника. Таким ужасным способом?

Мебиус. Таким гуманным способом. Прошлое легче всего забыть, если ведешь себя как безумный, а особенно если уже сидишь в сумасшедшем доме: семья может забыть меня с чистой совестью. Моя выходка навсегда отбила у них охоту меня навещать. Мне лично теперь все равно. Важно, как они будут жить. Сумасшествие дорого стоит. Пятнадцать лет добрая Лина платила за меня безумные деньги. Этому должен быть положен конец. Момент самый благоприятный. Царь Соломон открыл все, что он должен был мне открыть, система всех возможных открытий завершена, последние страницы продиктованы, и

моя Лина нашла себе нового мужа — честнейшего миссионера Розе. Теперь вы можете быть спокойны, все в порядке, сестра Моника. (Хочет уйти.)

Сестра Моника. Вы действуете обдуманно.

Мебиус. Я — физик. (Направляется к своей комнате.)

Сестра Моника. Господин Мебиус!

Мебиус (останавливается). Да, сестра Моника?

Сестра Моника. Я хочу с вами поговорить.

Мебиус. Пожалуйста.

Сестра Моника. Это касается нас обоих.

Мебиус. Давайте тогда сядем.

Они садятся. Она на диван, он в кресло слева.

Сестра Моника. Мы тоже должны попрощаться. И тоже навсегда.

Мебиус(испуган). Вы меня бросаете?

Сестра Моника. Такой я получила приказ.

Мебиус. Что случилось?

Сестра Моника. Меня переводят в главный корпус, Завтра здесь уже будут дежурить санитары. Медицинским сестрам вход сюда будет запрещен.

Мебиус. Из-за Ньютона и Эйнштейна?

Сестра Моника. Этого требует прокурор. А главный врач побоялась неприятностей и уступила.

Молчание.

Мебиус (подавлен). Сестра Моника, я страшно растерян... Я разучился высказывать свои чувства, профессиональную болтовню с больными физиками, с которыми я живу, нельзя ведь назвать человеческим разговором. Я онемел, боюсь, что и душа моя онемела. Но вы должны знать, что все для меня переменилось с тех пор, как я увидел вас. Мне стало легче. Но и это, видно, миновало. Два года я был хоть немного счастливее, чем раньше. Благодаря вам, сестра Моника, я нашел в себе мужество переносить мое затворничество и... жизнь сумасшедшего. Будьте счастливы. (Встает и хочет подать ей руку.)

Сестра Моника. Господин Мебиус, я не считаю вас... сумасшедшим.

Мебиус (смеется, снова садится). Я себя тоже. Но это ничего не меняет. Моя беда, что мне является царь Соломон. Ведь нет ничего более неприемлемого, чем чудо в царстве науки.

Сестра Моника. Я верю в это чудо.

Мебиус (растерянно смотрит на нее). Вы верите?

Сестра Моника. В царя Соломона.

Мебиус. И верите, что он мне является?

Сестра Моника. Да, что он вам является.

Мебиус. Каждый день, каждую ночь?

Сестра Моника. Каждый день, каждую ночь.

Мебиус. И что он открывает мне тайны природы? Связь всех вещей? Систему всех возможных научных открытий?

Сестра Моника. Да, я в это верю. И если вы мне скажете, что вам являлся и царь Давид вместе со всем своим двором, — я и в это поверю. Я просто знаю, что вы не больны. Я это чувствую.

Тишина.

Мебиус (вскакивает с места). Сестра Моника! Уйдите!

Сестра Моника (продолжает сидеть). Нет, я останусь.

Мебиус. Я не хочу вас больше видеть.

Сестра Моника. Нет, я вам нужна. У вас ведь никого на свете нет, кроме меня. Ни одной души.

Мебиус. Поверить в царя Соломона — это смерть!

Сестра Моника. Я люблю вас.

Мебиус беспомощно смотрит на сестру Монику. Он снова садится. Тишина.

Мебиус (медленно, упавшим голосом). Вы сами идете к своей гибели.

Сестра Моника. Я боюсь не за себя. Я боюсь за вас. Ньютон и Эйнштейн опасные соседи.

Мебиус. Я с ними уживаюсь.

Сестра Моника. Сестры Доротея и Ирена также с ними уживались. Но затем им пришел конец.

Мебиус. Вы признались в том, что верите мне и любите меня. Вы вынуждаете и меня сказать вам правду. Я вас тоже люблю, Моника.

Она смотрит на него.

Больше жизни. И поэтому вам грозит опасность. Раз мы любим друг друга.

Из комнаты номер два выходит Эйнштейн. Он курит трубку.

Эйнштейн. Я опять проснулся.

Сестра Моника. Но, господин профессор...

Эйнштейн. Я вдруг вспомнил...

Сестра Моника. Но, господин профессор...

Эйнштейн. Я задушил сестру Ирену.

Сестра Моника. Не думайте больше об этом, господин профессор.

Эйнштейн (смотрит на свои руки). Смогу ли я когда-нибудь еще играть на скрипке?

Мебиус (поднимается, словно для того, чтобы защитить Монику). Вы ведь уже опять играли на скрипке.

Эйнштейн. Сносно?

Мебиус. "Крейцерову сонату". Когда здесь была полиция.

Эйнштейн. "Крейцерову сонату"? Слава богу! (Его лицо на миг просветлело, но потом снова стало сумрачным.) На скрипке я вообще не очень-то люблю играть, и трубку курить терпеть не могу. У нее отвратительный вкус.

Мебиус. Тогда бросьте.

Эйнштейн. Не могу. Я же — Альберт Эйнштейн. (Пристально вглядывается в обоих.) Вы любите друг друга?

Сестра Моника. Да, любим.

Эйнштейн (задумчиво идет в глубину сцены, где лежала убитая сестра). Сестра Ирена и я тоже любили друг друга. Она готова была для меня на все, эта сестра Ирена. Я предупреждал ее. Я кричал на нее. Я обращался с ней, как с собакой. Я молил бежать. Напрасно. Она осталась. Она хотела уехать со мной в деревню. В Кольванг. Она хотела выйти за меня замуж. Она даже получила на это разрешение от фрейлейн доктора фон Цанд. Тогда я ее задушил. Бедная сестра Ирена. Нет большей бессмыслицы на земле, чем та страсть, с которой женщины приносят себя в жертву.

Сестра Моника(подходит к нему). Прилягте, господин профессор.

Эйнштейн. Можете звать меня Альберт.

Сестра Моника. Будьте благоразумны, Альберт.

Эйнштейн. Будьте вы благоразумны, сестра Моника. Послушайтесь вашего возлюбленного и бегите отсюда. Не то вы пропали. (Направляется в комнату номер два.) Я снова иду спать. (Исчезает в комнате номер два.)

Сестра Моника. Бедняга этот сумасшедший.

Мебиус. Но хоть он убедил вас, наконец, что меня нельзя любить?

Сестра Моника. Вы же не сумасшедший.

Мебиус. Было бы куда благоразумнее, если бы вы считали меня сумасшедшим. Бегите! Уходите из этого дома! Сматывайтесь! Не то и я должен буду обойтись с вами, как с собакой.

Сестра Моника. Нет, лучше обращайтесь со мной, как с возлюбленной.

Мебиус. Идите сюда, Моника. (Подводит ее к креслу, садится против нее и берет ее за руки.) Слушайте. Я совершил тяжелую ошибку. Я открыл свою тайну, я не сумел скрыть явление царя Соломона. За это я поплатился. Всей жизнью. Так надо. Но вы не должны за это страдать. В глазах всего мира вы любите сумасшедшего. Вы навлекаете на себя беду. Оставьте этот санаторий, забудьте меня. Так будет лучше для нас обоих.

Сестра Моника. Вы хотите меня?

Мебиус. Как вы можете так со мной говорить?

Сестра Моника. Я хочу с вами спать, я хочу рожать от вас детей. Я знаю, что это звучит бесстыдно. Но почему вы на меня не смотрите? Я вам не нравлюсь? Правда, костюм медицинской сестры меня очень уродует. (Срывает с головы белую шапочку.) Я ненавижу свою профессию. Пять лет я ухаживала за больными во имя любви к ближнему. И я никогда от них не воротила нос, я всегда была возле них, я жертвовала собой для всех. Но теперь я хочу пожертвовать собой для одного-единственного, а не для всех. Я хочу жить для своего любимого. Для вас. Я буду делать все, что вы захотите, я буду работать для вас день и ночь, только не гоните меня от себя. У меня ведь тоже нет никого на свете, кроме вас. Я ведь тоже совсем одна.

Мебиус. Моника, я должен вас прогнать.

Сестра Моника (с отчаянием). Вы совсем меня не любите?

Мебиус. Я люблю вас, Моника. Боже мой, как я люблю вас, вот в чем мое безумие.

Сестра Моника. Почему вы тогда меня предаете? И не только меня. Вы говорите, будто вам является царь Соломон. Почему вы предаете и его?

Мебиус (необычайно взволнован, хватает ее). Моника! Вы можете думать обо мне что угодно и считать меня человеком безвольным. Это ваше право. Я недостоин вашей любви. Но царю Соломону я верен. Он ворвался в мою жизнь нежданно-негаданно, он злоупотребил мной, изуродовал мою судьбу, но я его не предал.

Сестра Моника. Вы в этом уверены?

Мебиус. А вы сомневаетесь?

Сестра Моника. Вы думаете, что расплачиваетесь за то. что рассказали о своих видениях. Но, может быть, вы наказаны потому, что не боретесь за то, что он вам открыл.

Мебиус(отпускает ее). Я... не понимаю вас.

Сестра Моника. Он поведал вам систему всех возможных открытий. А вы боретесь за их признание?

Мебиус. Меня считают сумасшедшим.

Сестра Моника. Почему вы так малодушны?

Мебиус. Мужество в моем положении — преступление.

Сестра Моника. Иоган Вильгельм, я говорила о вас с фрейлейн доктор фон Цанд.

Мебиус (смотрит на нее). О чем?

Сестра Моника. Вы свободны.

Мебиус. Свободен?

Сестра Моника. Мы можем пожениться.

Мебиус. О господи!

Сестра Моника. Доктор фон Цанд все уже устроила. Она действительно считает вас больным, но не опасным. И ваша болезнь не передается по наследству. Доктор смеясь говорила, что сама она гораздо безумнее вас.

Мебиус. Это очень мило с ее стороны.

Сестра Моника. Какой она прекрасный человек!

Мебиус. Несомненно.

Сестра Моника. Иоган Вильгельм! Амбулатория в Блюменштейне предлагает мне место. У меня есть сбережения. Нам не о чем беспокоиться. Главное, мы должны любить друг друга.

Мебиус поднимается. В гостиной заметно потемнело.

Ну, разве это не чудесно.

Мебиус. Конечно.

Сестра Моника. Вы совсем не рады.

Мебиус. Все так неожиданно.

Сестра Моника. Я сделала куда больше.

Мебиус. А что?

Сестра Моника. Я говорила со знаменитым физиком, профессором Шербертом.

Мебиус. Он был моим учителем.

Сестра Моника. Он прекрасно вас помнит. Он сказал, что вы были лучшим его учеником.

Мебиус. И о чем же вы с ним говорили?

Сестра Моника. Он обещал прочесть вашу рукопись без всякого предубеждения.

Мебиус. Вы ему объяснили, что мне ее продиктовал царь Соломон?

Сестра Моника. Конечно.

Мебиус. И что же?..

Сестра Моника. Он смеялся. Вы всегда, он сказал, были ужасным шутником. Иоган Вильгельм, вы должны думать не только о себе. Вы избранная натура. Вам являлся царь Соломон во всем своем блеске, на вас снизошла мудрость небес. У вас свой путь, идти по нему вам повелевает чудо, никуда не сворачивая, несмотря на смех и издевки, неверие и сомнения. Но этот путь ведет из этого санатория в широкий мир; он ведет вас к борьбе, а не к одиночеству. И с тобой рядом я, чтобы тебе помочь, чтобы бороться вместе с тобой, — ведь небо, которое послало тебе царя Соломона, послало тебе и меня.

Мебиус смотрит в окно.

Любимый!

Мебиус. Что, моя дорогая?

Сестра Моника. Ты не рад?

Мебиус. Я очень рад.

Сестра Моника. Надо уложить твои чемоданы. В восемь двадцать уходит поезд в Блюменштейн.

Мебиус. Да укладывать почти нечего.

Сестра Моника. Смотри, как темнеет.

Мебиус. Ночь наступает теперь рано.

Сестра Моника. Я зажгу свет.

Мебиус. Подожди. Иди ко мне.

Моника идет к нему. Теперь видны только их силуэты.

Состра Моника. У тебя на глазах слезы?

Мебиус. У тебя тоже.

Сестра Моника. Это от счастья.

Он срывает занавеску и набрасывает на нее. Короткая борьба. Их силуэты больше не видны. Потом наступает тишина. Дверь из комнаты номер три отворяется. Полоса света падает в гостиную. В дверях стоит Ньютон в костюме своей эпохи. Мебиус поднимается.

Ньютон. Что тут случилось?

Мебиус. Я задушил сестру Монику Штеттлер.

Из комнаты номер два слышатся звуки скрипки.

Ньютон. Эйнштейн опять играет на скрипке. Крейслер. "Прекрасный Розмарин". (Подходит к камину и достает оттуда коньяк.)

Действие второе

Час спустя. Та же гостиная. Ночь. В доме снова полиция. Они снова что-то измеряют, записывают, фотографируют. Только теперь публике легче догадаться, что труп Моники Штеттлер лежит справа под окном, хотя его тоже не видно. Гостиная освещена. Горят люстра и торшер. На диване сидит фрейлейн доктор Матильда фон Цанд, угрюмо погруженная в свои мысли. На маленьком столике перед ней стоит ящик с сигарами, в кресле справа сидит Гуль с блокнотом. Инспектор Фос в шляпе и пальто отходит от трупа. Затем он проходит вперед.

Доктор. Гаванскую сигару?

Инспектор. Нет, спасибо.

Доктор. Рюмку водки?

Инспектор. Потом.

Молчание.

Блохер, можешь фотографировать.

Блохер. Слушаю, господин инспектор. (Фотографирует.)

Вспышка света.

Инспектор. Как звали сестру?

Доктор. Моника Штеттлер.

Инспектор. Возраст?

Доктор. Двадцать пять. Из Блюменштейна.

Инспектор. Есть какие-нибудь родственники?

Доктор. Нет.

Инспектор. Гуль, вы записали показания?

Гуль. Так точно, господин инспектор.

Инспектор. Она тоже задушена, доктор?

Судебный врач. Несомненно. И! этот сумасшедший проявил гигантскую физическую силу. Но в этот раз был применен шнурок от портьеры.

Инспектор. Как и три месяца назад. (Устало опускается в кресло, стоящее спереди.)

Доктор. Вы хотите видеть убийцу?..

Инспектор. Я попросил бы, фрейлейн доктор...

Доктор. Понятно. Виновника.

Инспектор. И не думаю.

Доктор. Однако...

Инспектор. Фрейлейн доктор фон Цанд. Я выполняю свои обязанности, я составляю протокол, осматриваю труп, велю его фотографировать и обследовать судебному врачу. Но с Мебиусом встречаться я не буду. Его я предоставляю вам. Категорически. Вместе с остальными радиоактивными, физиками.

Доктор. А что об этом думает прокурор?

Инспектор. Он больше не свирепствует. Размышляет.

Доктор (вытирает пот). Фу, какая жара!..

Инспектор. Что вы, ничуть не жарко.

Доктор. Но это уже третье убийство!..

Инспектор. Я попросил бы, фрейлейн доктор...

Доктор. ...третий несчастный случай. Только этого мне не хватало в "Вишневом саду". Впору уходить в отставку. Моника Штеттлер была моей лучшей сиделкой. Она понимала больных. У нее было столько чуткости. Я любила ее как родную дочь. Но ее смерть — это не самое страшное. Загублена моя репутация.

Инспектор. Ну, это еще вернется. Блохер, а ну-ка сделай еще один снимочек сверху.

Блохер. Слушаю, господин инспектор.

Справа два огромных санитара ввозят столик на колесах с посудой и едой. Один из них негр. Их сопровождает старший санитар такого же исполинского роста.

Старший санитар. Ужин для наших дорогих больных, фрейлейн доктор.

Инспектор (вскакивает). Уве Сиверс?

Старший санитар. Совершенно верно, господин инспектор. Уве Сиверс. Бывший чемпион Европы по боксу в тяжелом весе. Теперь старший санитар "Вишневого сада".

Инспектор. А другие два чудовища?

Старший санитар. Мурильо, южноамериканский боксер тяжелого веса, и Макартур (показывает на негра) — североамериканский боксер среднего веса. Поставь сюда стол, Макартур.

Макартур пододвигает стол.

Скатерть, Мурильо!

Мурильо покрывает стол белой скатертью.

Ставьте сервиз, Макартур.

Макартур расставляет дрезденский фарфор.

Столовое серебро, Мурильо.

Мурильо раскладывает столовое серебро.

Суповую миску на середину, Макартур.

Макартур ставит суповую миску на стол.

Инспектор. Чем сегодня кормят наших дорогих больных? (Поднимает крышку суповой миски.) Суп с клецками из печенки.

Старший санитар. Курица на вертеле, филе "кордон-блё".

Инспектор. Роскошно!

Старший санитар. Высший класс!

Инспектор. Я чиновник четырнадцатого разряда, и у меня дома не бывает таких кулинарных изысков.

Старший санитар. Кушать подано, фрейлейн доктор.

Доктор. Можете идти, Сиверс. Пациенты обслужат себя сами.

Старший санитар. Имею честь кланяться, господин инспектор.

Санитары кланяются и уходят направо. Инспектор смотрит им вслед.

Инспектор. Ну и черт!

Доктор. Вы довольны?

Инспектор. Завидую. Если бы эти трое служили в полиции...

Доктор. Они получают баснословные деньги.

Инспектор. Собрав здесь столько промышленных магнатов и мультимиллионерш, вы можете себе это позволить. Ну, теперь наконец прокурор успокоится. От этих молодчиков никто не улизнет.

Из комнаты номер два слышны звуки скрипки.

А Эйнштейн снова играет на скрипке.

Доктор. Крейслер. Это его любимое — "Муки любви".

Блохер. У нас все готово, господин инспектор.

Инспектор. Тогда выносите труп.

Двое полицейских поднимают труп. Мебиус выбегает из комнаты номер один.

Мебиус. Моника! Любовь моя!

Полицейские останавливаются.

Доктор (величественно встает). Мебиус! Как вы могли! Вы убили мою лучшую сиделку, мою добрейшую сиделку, нежнейшую сиделку!

Мебиус. Я так об этом сожалею, фрейлейн доктор.

Доктор. Сожалеете?

Мебиус. Но мне приказал царь Соломон.

Доктор. Царь Соломон... (Тяжело опускается в кресло. Она бледна.) Его величество повелел совершить это убийство?

Мебиус. Я стоял у окна и вглядывался в ночную тьму. Царь плавно пролетел из парка на террасу, стал против меня и шепнул через оконное стекло мне этот приказ.

Доктор. Простите меня, Фос. У меня нервы шалят.

Инспектор. Ну, все в порядке.

Доктор. От такого санатория, как мой, можно сойти с ума.

Инспектор. Не удивлюсь.

Доктор. Я ухожу... (Встает.) Господин инспектор Фос, выразите прокурору мои глубочайшие сожаления по поводу того, что случилось в моем санатории. Заверьте его, что теперь все будет в порядке. Господин судебный врач, уважаемые господа, имею честь кланяться. (Идет налево, церемонно прощается с трупом, потом смотрит на Мебиуса и уходит направо.)

Инспектор. Та-а-ак. Теперь вы наконец можете отнести труп в часовню, к сестре Ирене.

Мебиус. Моника!

Двое полицейских выносят труп; остальные, с фотоаппаратами и прочими принадлежностями следствия, уходят через дверь, ведущую в сад.

Мебиус. Моника, любимая!

Инспектор (подходит к столику возле дивана). Теперь я закурю гаванскую сигару. Я ее заслужил. (Берет со стола огромную сигару и рассматривает ее.) Вот это да! (Откусывает кончик сигары и зажигает ее.) Дорогой Мебиус, там, за решеткой камина, сэр Исаак Ньютон прячет коньяк.

Мебиус. Прошу, господин инспектор.

Инспектор пускает клубы дыма.

(Достает бутылку коньяку и рюмку.) Разрешите налить?

Инспектор. Охотно. (Берет коньяк. Пьет.)

Мебиус. Еще рюмку?

Инспектор. Еще рюмку.

Мебиус (снова наливает). Господин инспектор, я вынужден просить меня арестовать.

Инспектор. Зачем, мой дорогой Мебиус?

Мебиус. Ведь я сестру Монику...

Инспектор. По вашему собственному утверждению, вы лишь выполняли приказ царя Соломона. Поскольку я не в силах арестовать его, останетесь на свободе и вы.

Мебиус. Тем не менее...

Инспектор. Ни более, ни менее. Налейте мне еще.

Мебиус. Прошу, господин инспектор.

Инспектор. И спрячьте коньяк обратно, не то его вылакают санитары.

Мебиус. Конечно, господин инспектор. (Прячет коньяк.)

Инспектор. Видите ли, ежегодно в городе и его окрестностях мне приходится сажать под арест несколько убийц. Немного. Полдюжины не наберете. Одних я сажаю в тюрьму с удовольствием, других мне жаль. Но, несмотря на это, мне приходится их сажать. Закон есть закон. Но вот появились вы и ваши двое коллег. Сперва я злился, что не могу принять положенных мер, ну а теперь? Теперь меня это только радует. Я просто ликую. Я нашел трех убийц, которых с чистой совестью могу не

арестовывать. Правосудие в первый раз может отдохнуть. Прекрасное ощущение. Служение закону, мой друг, — изнурительная работа, сгораешь на работе и физически и морально. Мне нужна, наконец, передышка. Этим наслаждением я обязан вам. Прощайте. Передайте мой сердечный, дружеский привет Ньютону и Эйнштейну, кланяйтесь от меня царю Соломону.

Мебиус. Хорошо, господин инспектор.

Инспектор уходит. Мебиус остается один. Он садится на диван и сжимает голову руками. Из комнаты номер три выходит Ньютон.

Ньютон. Чем нас сегодня кормят?

Мебиус молчит.

(Снимает крышку с суповой миски.) Суп с клецками из печенки. (Осматривает остальные блюда.) Курица на вертеле, филе "кордон-блё". Превосходно! Обычно ужин у нас слишком легкий. И довольно скудный. С тех пор как остальных пациентов перевели в НОВЫЙ корпус. (Наливает себе суп.) Вы не хотите есть?

Мебиус молчит.

Понимаю. После кончины моей сиделки у меня тоже пропал аппетит. (Садится и начинает есть суп с клецками.)

Мебиус поднимается и хочет уйти.

Погодите.

Мебиус. Сэр Исаак?

Ньютон. Мне нужно с вами поговорить.

Мебиус (останавливается). Итак?..

Ньютон (показывает на еду). Может, попробуете суп с печеночными клецками? Удивительно вкусный суп.

Мебиус. Не хочу.

Ньютон. Дорогой Мебиус, за нами теперь больше не будут ухаживать медицинские сестры, нас будут охранять санитары. Здоровенные парни.

Мебиус. Это не имеет значения.

Ньютон. Может быть, для вас, Мебиус. Вы явно хотите провести свою жизнь в сумасшедшем доме. Но для меня это очень важно. Я хочу отсюда выбраться. (Кончает есть суп.) Ну что ж. Попробуем теперь курицу на вертеле. (Кладет себе на тарелку еду.) Появление санитаров вынуждает меня действовать. Сегодня же.

Мебиус. Это ваше дело.

Ньютон. Не совсем. Признаюсь вам, Мебиус: я не сумасшедший.

Мебиус. Конечно, нет, сэр Исаак.

Ньютон. Я не сэр Исаак Ньютон.

Мебиус. Знаю: Альберт Эйнштейн.

Ньютон. Бред! И! даже не Герберт Георг Бойтлер, как здесь считают. Мое настоящее имя, мой мальчик, Килтон.

Мебиус (с ужасом на него смотрит). Алек Джаспер Килтон?

Ньютон. Совершенно верно.

Мебиус. Основоположник теории соответствий?

Ньютон. Он самый.

Мебиус (подходит к столу). Вы сюда пробрались...

Ньютон. ...изображая сумасшедшего.

Мебиус. ...чтобы за мной шпионить?

Ньютон. Нет, чтобы выяснить, что же, на самом деле, кроется за вашим безумием. Мой безупречный немецкий язык дался мне с чудовищным трудом в лагере нашей разведки.

Мебиус. И когда несчастная сестра Доротея Мозер узнала правду, вы ее...

Ньютон. Да, я ее... Прискорбная необходимость, о которой я не перестаю жалеть.

Мебиус. Понимаю.

Ньютон. Приказ есть приказ.

Мебиус. Само собой разумеется.

Ньютон. Я не мог поступить иначе.

Мебиус. Конечно.

Ньютон. Моя миссия — секретнейшее задание нашей разведки — была под угрозой. Я должен был убить, если хотел избежать подозрений. Сестра Доротея перестала считать меня сумасшедшим, главный врач признавала легко больным, — мне пришлось убийством доказывать свое безумие. Да, эта курица на вертеле необычайно вкусна!

Из комнаты номер два слышится скрипка Эйнштейна.

Мебиус. Эйнштейн снова музицирует.

Ньютон. Гавот Баха.

Мебиус. Его ужин остынет.

Ньютон. Дайте этому сумасшедшему спокойно играть на скрипке.

Мебиус. Это угроза?

Ньютон. Я безмерно вас уважаю. Меня очень огорчит, если я буду вынужден принять крайние меры.

Мебиус. Вам поручено меня увезти?

Ньютон. Если подозрения нашей разведки подтвердятся.

Мебиус. Какие именно?

Ньютон. Вас считают гениальнейшим физиком нашего времени.

Мебиус. Я человек психически больной, Килтон, и ничего больше.

Ньютон. Наша разведка держится другой точки зрения.

Мебиус. А что вы сами обо мне думаете?

Ньютон. Я полагаю, что вы величайший физик всех времен.

Мебиус. А как же ваша разведка напала на мой след?

Ньютон. Благодаря мне. Я случайно прочел вашу диссертацию об основах новой физики. Сначала я счел ее ребячеством. Но потом пелена спала с моих глаз. Я встретился с гениальнейшим творением новейшей физики, я стал наводить справки об авторе... безуспешно. Тогда я поставил в известность нашу разведку, и она напала на след.

Эйнштейн. Вы не были единственным читателем этой диссертации, Килтон. (Незаметно появился из комнаты номер два со своей неизменной скрипкой под мышкой и смычком в руке.) Дело в том, что я тоже не сумасшедший. Разрешите представиться. Я физик и также состою на службе в разведке. Но несколько иной. Меня зовут Иосиф Эйслер.

Мебиус. Автор эффекта Эйслера?

Эйнштейн. Он самый.

Ньютон. Исчезнувший в тысяча девятьсот пятидесятом году?

Эйнштейн. Добровольно.

У Ньютона вдруг оказывается в руках револьвер.

Ньютон. Могу я попросить вас, Эйслер, стать лицом к стене?

Эйнштейн. Ну конечно. (Спокойно, вразвалку подходит к камину, кладет па него скрипку и неожиданно поворачивается с револьвером в

руках.) Мой дорогой Килтон, поскольку мы оба, как мне кажется, хорошо владеем оружием, не лучше ли нам обойтись без дуэли, если вы, конечно, не против? Я охотно положу свой браунинг, если вы положите свой кольт...

Ньютон. Договорились.

Эйнштейн. Положим их за каминную решетку, где у вас спрятан коньяк. На случай, если войдут санитары.

Ньютон. Ладно.

Оба кладут револьверы за каминную решетку.

Эйнштейн. Вы спутали нее мне планы. Килтон. Вас-то я считал настоящим сумасшедшим.

Ньютон. Могу вас утешить: я вас тоже.

Эйнштейн. Многое пошло вкривь и вкось. Ну, хотя бы то, что произошло с сестрой Иреной сегодня после обеда. Она стала меня подозревать и тем самым подписала свой смертный приговор. Очень неприятный случай, он глубоко меня огорчает.

Мебиус. Понимаю.

Эйнштейн. Приказ есть приказ.

Мебиус. Само собой разумеется.

Эйнштейн. Я не мог поступить иначе.

Мебиус. Конечно.

Эйнштейн. Моя миссия — секретнейшее поручение моей разведки — была под угрозой... Давайте сядем. Ньютон. Давайте сядем.

Ньютон садится слева от стола, Эйнштейн справа.

Мебиус. Насколько я понимаю, Эйслер, вы также хотите меня вынудить...

Эйнштейн. Помилуйте, Мебиус!

Мебиус. ...уговорить отправиться в вашу страну.

Эйнштейн. Мы тоже считаем вас величайшим физиком мира. Но в данный момент меня интересует ужин. Ведь это воистину прощальный ужин. (Наливает себе суп.) У вас по-прежнему нет аппетита. Мебиус?

Мебнус. Внезапно появился. Теперь, когда вы все знаете. (Садится между ними за стол и наливает себе суп.)

Ньютон. Бургундского, Мебиус?

Мебиус. Налейте, пожалуйста.

Ньютон (наливает вино). А я, пожалуй, примусь за "кордон-блё".

Мебиус. Не стесняйтесь.

Ньютон. Приятного аппетита.

Эйнштейн. Приятного аппетита.

Мебиус. Приятного аппетита.

Они едят. Справа входят трое санитаров. Старший санитар с блокнотом.

Старший санитар. Пациент Пейтлер!

Ньютон. Здесь.

Старший санитар. Пациент Эрнестн!

Эйнштейн. Здесь.

Старший санитар. Пациент Мебиус.

Мебиус. Здесь.

Старший санитар. Старшин санитар Сиверс, санитар Мурильо, санитар Макартур. (Захлопывает блокнот и прячет его в карман.) По указанию начальства должны быть приняты кое-какие меры предосторожности. Мурильо, спустите решетки.

Мурильо опускает на окне решетку. Гостиная сразу начинает напоминать тюрьму.

Макартур, заприте ее.

Макартур запирает решетку.

Есть ли у вас, господа, какие нибудь пожелания на ночь? Пациент Бейтлер?

Ньютон. Нет.

Старший санитар. Пациент Эрнести?

Эйнштейн. Нет.

Старший санитар. Пациент Мебиус?

Мебиус. Нет.

Старший санитар. Всего хорошего, господа. Разрешите нам удалиться. Спокойной ночи.

Трое санитаров уходят. Тишина.

Эйнштейн. Скоты!

Ньютон. В парке сторожат другие силачи. Я давно их заметил из окна своей комнаты.

Эйнштейн (поднимается и осматривает решетку). Крепкая. Со специальным запором.

Ньютон (идет к двери своей комнаты, открывает ее и заглядывает туда). На моем окне также появилась решетка. Как по волшебству. (Открывает остальные двери.) И у Эйслера. И у Мебиуса. (Идет к правой двери.) Заперта. Они с Эйнштейном снова садятся.

Эйнштейн. Пойманы.

Ньютон. Логично. После того что произошло с нашими сиделками...

Эйнштейн. Теперь мы выйдем из сумасшедшего дома только, если будем действовать единодушно.

Мебиус. Я вовсе но хочу отсюда бежать.

Эйнштейн. Мебиус...

Мебиус. Я не вижу для этого никаких оснований. Напротив, я доволен своей судьбой.

Молчание.

Ньютон. Зато я ею не доволен, а это имеет немалое значение, но правда ли? Вы — гений и потому не принадлежите себе. Вы проникли в новые области физики. Однако наука не находится у вас на откупе. Ваш долг открыть двери в нее и для нас, простых ученых. Едемте со мной, и через год мы напялим на вас фрак, доставим в Стокгольм, и вы получите Нобелевскую премию.

Мебиус. Ваша разведка на редкость бескорыстна.

Ньютон. Признаю, Мебиус, ее больше всего поразило то, что вы как будто бы разрешили проблему всемирного тяготения.

Мебиус. Безусловно.

Тишина.

Эйнштейн. И вы говорите об этом с таким спокойствием?

Мебиус. А как, по-вашему, я это должен сказать?

Эйнштейн. Моя разведка предполагает, что вы создали единую теорию элементарных частиц...

Мебиус. И ваша разведка может но волноваться. Единая теория поля теперь разработана.

Ньютон (вытирает салфеткой пот со лба). Но это значит, что выведена формула вселенной!

Эйнштейн. Смешно. Орды исследователей, высокооплачиваемых физиков в гигантских государственных лабораториях теряют годы и годы, чтобы двинуть вперед физику, а вы добились этого походя, за письменным столом сумасшедшего дома. (Вытирает салфеткой пот со лба.)

Ньютон. А система всех возможных открытий, Мебиус?

Мебиус. Да, она существует. Я взялся за этот вопрос из любопытства, меня заинтересовали практические выводы из моих теоретических работ. К чему изображать невинность? Все наши идеи имеют свои последствия. Мой долг был исследовать все практические последствия разработанных мной теории поля и учения о всемирном тяготении. Результат получился поразительный. Новые, невиданные доселе энергии будут освобождены, и возникнет такая техника, которая превзойдет любую фантазию, если, конечно, мои открытия попадут в руки людей. .

Эйнштейн. Этого вам вряд ли удастся избежать.

Ньютон. Вопрос лишь в том, кому это раньше достанется.

Мебиус (смеется). Вы хотели бы осчастливить вашу разведку, Килтон, и генеральный штаб, который за ней стоит?

Ньютон. Почему бы и нет? Любой генеральный штаб, который сможет вернуть гениального физика всех времен в семью ученых, — это святое учреждение. Речь идет о свободе нашей науки и ни о чем другом. Мне все равно, кто обеспечивает нам эту свободу. Я буду служить любому государству, если государство оставит меня в покое. Я знаю, сегодня много говорят об ответственности физиков, и тут вдруг

нас обуревает страх, и мы становимся моралистами. Какая чепуха! Мы должны открывать новые области, вот и вся наша задача. А как человечество пойдет по тем путям, которые мы ему откроем, это дело не наше с вами, а человечества.

Эйнштейн. Допустим, что вы правы. Наше дело — открывать новое. Так думаю и я. Но мы не можем сложить с себя всякую ответственность. Мы даем людям в руки могучую силу. Это дает нам право ставить условия. Мы должны стать политиками силы, потому что мы — физики. Мы должны сами решить, на кого будет работать наша наука, и я для себя это решил. Вы жалкий эстет, Килтон. Почему бы вам не прийти к нам, если вам нужна всего лишь только свобода науки? Мы давно уже не позволяем себе опекать физиков. Нам тоже нужны только результаты их деятельности. И наше государство вынуждено хватать куски из рук науки.

Ньютон. Оба наших государства, Эйслер, должны сейчас хватать куски из рук Мебиуса.

Эйнштейн. Наоборот. Он должен будет нам служить. Мы оба держим его за горло.

Ньютон. Да ну? Скорее, мы с вами держим друг друга за горло. Ведь наши разведки, увы, пришли к одной и той же догадке. Но будем себя обманывать, давайте лучше обдумаем то немыслимое положение, в которое мы из-за этого попали. Если Мебиус пойдет с вами, я не смогу вам ничем помешать, поскольку вы но допустите, чтобы вам мешали. Но вы будете беспомощны, если Мебиус примет решение в мою пользу. Он может выбирать, а не мы.

Эйнштейн (торжественно встает). Возьмем в руки оружие.

Ньютон (тоже встает). Давайте драться. (Достает из-за каминной решетки револьверы и подает один из них Эйнштейну.)

Эйнштейн. Жаль, что дело у нас должно решиться кровью. Но мы вынуждены стрелять друг в друга и в сторожей, а если понадобится, то и в Мебиуса. Хотя он и самый ценный человек на земле, но рукописи его еще ценнее, чем он сам.

Мебиус. Мои рукописи? Я их сжег.

Мертвая тишина.

Эйнштейн. Сжег?

Мебиус (смущенно). Заблаговременно. Еще до того, как вернулась полиция. Чтобы не попасть впросак.

Эйнштейна от отчаяния охватывает безудержный смех.

Эйнштейн. Сжег?

Ньютон (в ярости кричит). Вы сожгли результаты пятнадцатилетнего труда!

Эйнштейн. От этого можно сойти с ума.

Ньютон. Официально мы уже сошли с ума.

Они прячут свои револьверы и, подавленные, садятся на диван.

Эйнштейн. Теперь, Мебнус, мы окончательно в ваших руках.

Ньютон. И для этого я задушил сиделку н изучил немецкий язык!

Эйнштейн. А я учился играть на скрипке! Какая мука для человека, которому медведь наступил на ухо.

Мебиус. Ну как, будем ужинать дальше?

Ньютон. У меня пропал аппетит.

Эйнштейн. Жалко оставлять "кордон-блё".

Мебиус (встает). Мы трое — физики. Решение, которое мы должны принять, — это решение физиков. Подойдем к делу научно. Мы не можем руководствоваться мнениями, мы должны подчиняться логике. Попытаемся найти разумный выход. Мы не имеем права на ошибку в наших рассуждениях, потому что эта ошибка может привести к мировой катастрофе. Отправная точка ясна. У нас у всех одна общая цель, но у каждого своя тактика. Цель наша — развитие физики. Вы хотите сохранить науку свободной, Килтон, и отрицаете ее ответственность. Напротив, вы, Эйслер, во имя политики силы обязываете физику нести ответственность перед определенным государством. А как это будет выглядеть на деле? Если вы хотите, чтобы я принял решение, то я требую, чтобы вы мне это разъяснили.

Ньютон. Группа крупнейших физиков вас ждет. Условия и вознаграждение — идеальные, правда, места там убийственные, но есть превосходные установки искусственного климата.

Мебиус. Эти физики свободны в своих действиях?

Ньютон. Ах, дорогой Мебиус, эти физики согласились разрабатывать научные проблемы, имеющие решающее значение для обороны страны. Отсюда вы можете сделать вывод...

Мебиус. Значит, они не свободны. (Поворачивается к Эйнштейну.) Иосиф Эйслер! Вы утверждаете политику силы. Для этого надо обладать силой. Она у вас есть?

Эйнштейн. Вы меня не поняли, Мебиус. Моя политика силы нмепно в том и состоит, что я отказываюсь от своей власти в пользу какой-нибудь одной организации.

Мебиус. Можете ли вы направлять эту организацию так, как вам подсказывает ваше чувство ответственности, или есть опасность, что эта организация будет управлять вами по своей воле?

Эйнштейн. Мебиус. Это же смехотворно. Я могу надеяться, что организация прислушается к моим советам, но не более того. Если у человека нет такой надежды, у него не может быть никаких политических убеждений.

Мебиус. Но ваши физики по крайней мере свободны?

Эйнштейн. Для обороны страны...

Мебиус. Поразительно! Каждый из вас восхваляет свою теорию, но практически вы предлагаете мне одно и то же: тюрьму. Но тогда уж я предпочитаю сумасшедший дом. Здесь я по крайней мере уверен, что не стану игрушкой в руках политических проходимцев.

Эйнштейн. На известный риск надо, конечно, идти.

Мебиус. Бывает такой риск, на который человек не имеет права идти: например — гибель человечества. Мы знаем, что делает мир с тем оружием, которое уже создано, а вот что он сделает с оружием, которое станет возможным благодаря моему открытию, нетрудно себе представить. Этой мысли я подчинил свою жизнь. Я был беден. У меня была жена и трое детей. В университете передо мной маячила слава, промышленность сулила мне деньги. И то и другое было слишком опасно. Если бы я опубликовал свои работы, я опрокинул бы нашу науку и разрушил основу всей экономики. Такая ответственность заставила меня выбрать другой путь. Я отказался от академической карьеры,

послал ко всем чертям промышленность и бросил семью на произвол судьбы. Я надел на себя шутовской колпак. Я объявил, что мне является царь Соломон, и меня заперли в сумасшедший дом.

Ньютон. Но это же не выход!

Мебиус. Рассудок толкнул меня на этот шаг. Мы в нашей науке подошли к последней грани познания. Мы знаем отдельные, точно сформулированные законы, некоторые основные соотношения между непостижимыми явлениями, и это все. Все остальное остается непостижимой тайной. Мы дошли до конца нашего пути. Но человечество от нас отстало. Мы вырвались вперед, и никто не следует за нами. Вокруг нас пустота. Наша наука стала страшна, наши исследования опасны, наши открытия смертоносны. У физиков есть только одна возможность: капитулировать перед действительностью. Мы ей не по плечу. Она из-за нас погибнет. Мы должны отречься от наших знании, и я от них отрекся. И для вас тоже нет другого выхода.

Эйнштейн. Что вы хотите этим сказать?

Мебиус. Вы должны остаться вместе со мной в сумасшедшем доме.

Ньютон. Мы?

Мебиус. Вы оба.

Молчание.

Ньютон. Мебиус, не можете же вы требовать, чтобы мы навсегда...

Мебиус. У вас есть секретные радиопередатчики?

Эйнштейн. Ну и что?

Мебиус. Сообщите вашим хозяевам, что вы ошиблись и я действительно сумасшедший.

Эйнштейн. Тогда мы будем сидеть здесь всю жизнь. Провалившиеся шпионы нужны как прошлогодний снег.

Мебиус. Но это единственный шанс сохранить мое открытие в тайне. Только в сумасшедшем доме мы еще свободны. Только в сумасшедшем доме мы еще можем спокойно думать. Там, в свободном мире, наши идеи — это разрушительная сила.

Ньютон. Но мы, в конце концов, не сумасшедшие.

Мебиус. Да, но мы убийцы.

Оба озадаченно смотрят на Мебиуса.

Ньютон. Я протестую!

Эйнштейн. Этого, Мебиус, вы не должны были говорить.

Мебиус. Тот, кто убивает, — убийца, а мы убивали. У каждого из нас были свои задачи, которые привели его в сумасшедший дом, каждый из нас убил свою сиделку для определенной цели. Вы, чтобы они не повредили вашей секретной миссии, я, потому что сестра Моника в меня поверила. Она считала меня непризнанным гением. Она не понимала, что сегодня долг гения оставаться непризнанным. Убивать — это ужасно. Я убил, чтобы не допустить еще более страшных убийств. Но вот появились вы. Я не могу вас уничтожить, но. может, я могу вас переубедить? Неужели мы убивали зря? Либо это были жертвы, либо преступление? Либо мы останемся в сумасшедшем доме, либо мир станет сумасшедшим домом. Либо мы вычеркнем себя из памяти человечества, либо человечество исчезнет с лица земли.

Молчание.

Ньютон. Мебиус!

Мебиус. Что, Килтон?

Ньютон. Этот сумасшедший дом... Эти ужасные санитары... Эта горбатая врачиха...

Мебиус. Ну что?

Эйнштейн. Нас заперли, как диких зверей.

Мебиус. Мы и есть дикие звери. Нас нельзя пустить к людям.

Молчание.

Ньютон. Неужели нет другого выхода?

Мебиус. Никакого.

Молчание.

Эйнштейн. Иоган Вильгельм Мебиус! Я человек порядочный. Я остаюсь.

Молчание.

Ньютон. Я тоже остаюсь. Навсегда.

Молчание.

Мебиус. Благодарю вас. Благодарю вас за то, что вы дали вселенной хоть маленькую надежду на спасение. (Поднимает бокал.) За наших сиделок!

Все торжественно встают.

Ньютон. Я пью за Доротею Мозер.

Двое других. За сестру Доротею!

Ньютон. Доротея! Я должен был принести тебя в жертву. Я заплатил твоей смертью за твою любовь. Я хочу быть достойным тебя.

Эйнштейн. Я пью за Ирену Штрауб.

Двое других. За сестру Ирену!

Эйнштейн. Ирена! Я должен был принести тебя в жертву. В твою честь и во имя твоей верности мне я хочу поступить разумно.

Мебиус. Я пью за Монику Штеттлер.

Двое других. За сестру Монику!

Мебиус. Моника! Я должен был принести тебя в жертву. Но пусть твоя любовь освятит союз, который заключили три физика. Дай нам силу честно хранить тайны нашей науки, прикрывшись шутовским колпаком.

Пьют, ставят бокалы па стол.

Ньютон. Превратимся же вновь в сумасшедших. Станем опять Ньютонами.

Эйнштейн. Будем вновь играть на скрипке Бетховена или Крейслера.

Мебиус. Пусть снова является царь Соломон.

Ньютон. Будем сумасшедшими, но мудрыми.

Эйнштейн. Узниками, но свободными.

Мебиус. Физиками, но безвинными.

Все трое кивают друг другу и расходятся по своим комнатам. Гостиная пуста. Справа входят Макартур и Мурильо. Они в черной форме, в фуражках и с револьверами. Макартур увозит столик с остатками ужина направо. Мурилъо ставит круглый стол к правому окну, а на него взгромождает перевернутые стулья, как во время уборки ресторана. Затем Мурильо тоже уходит направо. Гостиная снова пуста. Тогда справа входит фрейлейн доктор Матильда фон Цанд, как всегда, в белом врачебном халате, со стетоскопом, торчащим из кармана. Она оглядывается по сторонам. Входит Сиверс в черной форме.

Старший санитар. Начальница.

Доктор. Сиверс, внесите картину.

Макартур и Мурильо вносят большой портрет генерала в тяжелой золоченой раме. Сивере снимает старый портрет и вешает новый.

Доктор. Генерал Леонид фон Цанд здесь гораздо уместнее, чем в женском корпусе. Он еще прекрасно выглядит, этот старый вояка, несмотря на базедову болезнь. Он любил героическую смерть, и сейчас нечто подобное произошло в этом доме. (Рассматривает портрет своего

отца.) Зато тайный советник переедет на женскую половину, к миллионершам. Поставьте его пока в коридор.

Макартур и Мурильо выносят портрет направо.

А генеральный директор Фрейбен со своими героями прибыл?

Старший санитар. Они вас ждут в зеленой гостиной. Прикажете подать икру и шампанское?

Доктор. Эти господа пришли сюда не пировать, а работать. (Садится на диван.) Сиверс, приведите Мебиуса.

Старший санитар. Слушаю, начальница. (Идет к комнате номер один и открывает дверь.) Мебиус, а ну-ка, выходите.

Появляется Мебиус. У него просветленное лицо.

Мебиус. Какая полная благоговения ночь! Темно-синяя, тихая. Ночь могущественного царя. Его бледная тень отделилась от стены. Его глаза светят во тьме.

Молчание.

Доктор. Мебиус, прокурор установил здесь новые порядки. Теперь я могу разговаривать с вами только в присутствии санитаров.

Мебиус. Понимаю, фрейлейн доктор.

Доктор. Все, что я сейчас скажу, относится и к вашим коллегам.

Входят Макартур и Мурильо.

Доктор. Макартур и Мурильо, приведите двух других пациентов.

Макартур и Мурильо (открывают двери комнат номер два и три). Выходите!

Ньютон и Эйнштейн входят. У них тоже просветленные лица.

Ньютон. Ночь полная тайн. Беспредельная, величественная ночь. Сквозь решетку моего окна мерцают Юпитер и Сатурн, они открывают мне законы мироздания.

Эйнштейн. Благодатная ночь, она дарит нам отраду и мир. Смолкли загадки бытия, никто не задает вопросов. Я хочу играть на скрипке до конца своих дней.

Доктор. Алек Джаспер Килтон и Иосиф Эйслер, я хочу с вами поговорить.

Оба с изумлением на нее смотрят.

Ньютон. Вы… знаете?

Оба выхватывают револьверы, но Мурильо и Макартур их обезоруживают.

Доктор. Ваш разговор, господа, был подслушан: вы уже у меня давно на подозрении. Макартур и Мурильо, принесите радиопередатчики Килтона и Эйслера.

Старший санитар. Все трое — руки на затылок.

Мебиус, Эйнштейн и Ньютон кладут руки на затылок. Макартур и Мурильо входят в комнаты два и три.

Ньютон. Забавно! (Зловеще смеется.)

Эйнштейн. Не понимаю...

Ньютон. Смешно! (Снова смеется, потом замолкает.)

Макартур и Мурильо возвращаются с радиопередатчиками.

Старший санитар. Руки опустить.

Физики подчиняются. Молчание.

Доктор. Прожектора, Сиверс.

Старший санитар. О'кей, начальница. (Поднимает руку.)

Прожектора из сада освещают физиков ослепительным светом. Сиверс гасит свет в гостиной.

Доктор. Вилла оцеплена сторожами. Всякая попытка к бегству бессмысленна. (Санитарам.) Убирайтесь, вы, трое.

Санитары уходят, унося оружие и радиопередатчики. Молчание.

Только вы одни будете знать мою тайну. Вы одни на всем свете. Ведь теперь все равно — знаете вы ее или нет.

Молчание.

(Торжественно.) Царь Соломон в золотых одеждах являлся и мне.

Трое физиков с недоумением на нее смотрят.

Мебиус. Царь Соломон?

Доктор. Да, все эти годы.

Ньютон тихо смеется.

(Твердо.) Впервые он появился в моем кабинете. Летним вечером. В парке еще светило солнце, стучал дятел, как вдруг прилетел царь в золотых одеждах. Как архангел.

Эйнштейн. Она сошла с ума!

Доктор. Его взгляд остановился на мне. Рот его приоткрылся. Он заговорил со своей служанкой. Царь Соломон восстал из мертвых, он снова захотел обладать властью, которая ему принадлежала, царь явил свою мудрость, чтобы Мебиус от его имени правил на земле.

Эйнштейн. Ее место в сумасшедшем доме. Ее надо туда запереть.

Доктор. Но Мебиус предал царя. Он хотел умолчать о том, о чем нельзя было молчать. Ибо все, что ему открылось, — не тайна. Потому что это постижимо. А все, что постижимо, человек может постичь. Теперь или когда-нибудь. То, что открыл царь Соломон, могут открыть и другие. Царь Соломон не хотел, чтобы об этом догадались другие. Эта тайна давала ему владычество над миром. Поэтому он избрал меня, свою служанку.

Эйнштейн (настойчиво). Вы сумасшедшая. Послушайте, вы сумасшедшая!

Доктор. Он приказал мне сместить Мебиуса и занять его место. Я подчинилась его приказу. Я врач, а Мебиус мой пациент. Я могла делать с ним все, что хотела. Я постоянно его усыпляла, многие годы подряд, и

в это время снимала фотокопии с откровений царя Соломона, пока не получила все, до последнего листика.

Ньютон. Вы спятили. Окончательно. Поймите это наконец! (Тихо.) Мы все спятили!

Доктор. Я действовала осторожно. Сначала я использовала лишь несколько открытий, чтобы собрать нужный капитал. Потом я основала гигантские предприятия, я приобретала одну фабрику за другой, я организовала могущественный трест. Теперь наконец я смогу использовать систему всех возможных открытий, господа.

Мебиус (настойчиво). Фрейлейн доктор фон Цанд, вы больны. Никакого царя Соломона нет. Он мне никогда пе являлся.

Доктор. Вы лжете.

Мебиус. Я его придумал, чтобы сохранить свои открытия в тайне.

Доктор. Вы отрекаетесь от него.

Мебиус. Будьте благоразумны, признайте, что вы сумасшедшая.

Доктор. Я ничуть не более сумасшедшая, чем вы.

Мебиус. Тогда я должен крикнуть правду на весь мир. Вы обирали меня все эти годы. Бесстыдно. И еще заставляли мою бедную жену платить вам за это деньги.

Доктор. Вы бессильны, Мебиус. Если люди и услышат ваш голос, они вам все равно не поверят. Для всех вы только опасный сумасшедший. Вы же убийцы.

Все трое наконец понимают свое положение.

Мебиус. Моника?

Эйнштейн. Ирена?

Ньютон. Доротея?

Доктор. Я решила воспользоваться случаем, чтобы сберечь учение царя Соломона и покарать ваше предательство. Мне нужно было вас обезвредить. Для этого я сделала вас убийцами. Я натравила на вас трех сиделок. Я достаточно хорошо знала вас всех, чтобы все рассчитать наперед. Вы вели себя, как послушные автоматы, и убивали, как палачи.

Мебиус хочет на нее броситься, Эйнштейн его удерживает.

Бессмысленно на меня бросаться, Мебиус. Так же бессмысленно, как сжигать рукописи, которыми я уже обладала.

Мебиус отворачивается.

Вас теперь отгораживают от мира не стены сумасшедшего дома. Эта вилла — теперь сокровищница моего треста. В ней заперты три физика, которые одни, не считая меня, знают истину. И те, кто вас охраняет, — не служители сумасшедшего дома. Сиверс — начальник моей заводской полиции. Вы прибежали в свою собственную тюрьму. Царь Соломон передал вам свои мысли, он поручил вам дело своей жизни, а теперь он возьмет вашу жизнь моими руками.

Молчание.

Я же принимаю на себя его власть. И не боюсь. Мой санаторий полон моих сумасшедших родственников, увешанных драгоценностями и орденами. Я — последний нормальный человек в нашем роду. Это конец. Я бесплодна. Мне осталось только любить ближних, но царь Соломон сжалился надо мной. Он, обладающий тысячью женщин, избрал меня. И я буду могущественнее всех моих предков. Мой трест будет владеть миром, он захватит все страны и континенты, всю солнечную систему, до самой туманности Андромеды. Задача решена. И не в пользу людей, а в пользу горбатой старой девы. (Звонит в маленький колокольчик.)

Справа входит Сиверс.

Старший санитар. Что прикажете?

Доктор. Идем, Сиверс. Члены совета ждут. Всемирный трест приступил к работе. Продукция начинает поступать. (Уходит со старшим санитаром направо.)

Тишина. Трое физиков остаются одни. Все проиграно. Молчание.

Ньютон. Это конец. (Садится на диван.)

Эйнштейн. Мир попал в руки сумасшедшей хозяйки сумасшедшего дома. (Садится рядом с Ньютоном.)

Мебиус. Все, что человек раз открыл, не может быть больше скрыто. (Садится в кресло слева от дивана.)

Молчание. Они смотрят в пространство перед собой. Затем начинают говорить совершенно спокойно, естественно, как будто представляются публике.

Ньютон. Я — Ньютон. Сэр Исаак Ньютон. Родился четвертого января тысяча шестьсот сорок третьего года в Вулсторпе возле Грендхема. Я — президент королевского общества. Но из-за этого вам не стоит вставать. Я написал "Математические начала натуральной философии". Я утвердил гипотезу "нон финго". В экспериментальной оптике, теоретической механике и в высшей математике у меня тоже были весьма значительные достижения, но вопрос о природе тяготения я должен был оставить открытым. У меня были и богословские труды: комментарии к пророку Даниилу и Апокалипсису Иоанна. Я — Ньютон. Сэр Исаак Ньютон. Президент королевского общества. (Встает и уходит к себе в комнату.)

Эйнштейн. Я — Эйнштейн. Профессор Альберт Эйнштейн. Родился четырнадцатого марта тысяча восемьсот семьдесят девятого года в Ульме. В тысяча девятьсот втором году я работал экспертом патентного бюро в Берне. Там я создал свою специальную теорию относительности, с которой началась новая физика. Впоследствии я стал членом прусской академии наук. Ну. а потом — эмигрантом. Потому что я еврей. Я предложил формулу E = мс2, ключ к превращению массы в энергию. Я люблю людей и люблю мою скрипку, но по моему совету сделали атомную бомбу. Я — Эйнштейн. Профессор Альберт Эйнштейн, родился четырнадцатого марта восемьсот семьдесят девятого года в Ульме. (Встает и уходит к себе в комнату.)

Слышны звуки скрипки — "Муки любви" Крейслера.

Мебиус. Я — царь Соломон. Я бедный царь Соломон. Некогда я был сказочно богат, мудр и благочестив. От моей власти содрогались троны. Я был князем мира и справедливости. Но моя мудрость подточила мое благочестие, и когда я перестал бояться бога, моя мудрость уничтожила мое богатство. И ныне мертвы мои города и пусто царство, которое мне было доверено. Вокруг только синее мерцание пустынь, и где-то вдали вокруг маленькой желтой безымянной звезды одиноко и бессмысленно кружит радиоактивная Земля. Я — Соломон. Я царь Соломон. Я бедный царь Соломон. (Уходит в свою комнату.)

Гостиная пуста. Слышна только скрипка Эйнштейна.

Конец

21 пункт к пьесе "Физики"

1. Я исхожу не из тезиса, а из самого повествования.

2. Когда идешь от повествования, надо додумать его до конца.

3. Повествование тогда додумано до конца, когда взят наихудший из возможных поворотов.

4. Наихудший из возможных поворотов никогда заранее не известен; он всегда возникает неожиданно.

5. Искусство драматурга заключается в умении использовать неожиданность, сделав ее как можно более действенной.

6. Носителем драматического действия являются люди.

7. Неожиданность действия состоит в том: кто, где, когда и кого неожиданно встретил.

8. Чем логичное поступки людей, тем сильнее их зависимость от неожиданности.

9. Люди, чьи поступка логичны, памереваются достичь определенной цели. Неожиданность является для них наименее благоприятной тогда, когда она приводит их к цели, обратной той, которую себе наметили: то есть к тому, чего они боялись или пытались избежать (например, Эдип).

10. Подобное повествование является гротеском, но оно не абсурдно (то есть не бессмысленно).

11. Оно — парадоксально.

12. Драматурги, равно как и логики, не могут избежать парадоксального.

13. Физики, равно как и логики, не могут избежать парадоксального.

14. Драма о физиках должна быть парадоксальна.

15. Целью является не предмет физики, а лишь ее результат.

16. Предмет физики принадлежит физикам, ее результат — всем людям.

17. То, что касается всех, могут решать только все вместе.

18. Любая попытка отдельного человека решить для себя то, что касается всех, неизбежно кончается неудачей.

19. В парадоксальном проявляется действительность.

20. Тот, кто имеет дело с парадоксом, тот сталкивается с жизнью.

21. Драматург может перехитрить зрителя, бросив его в объятия реальности, но он не может заставить зрителя выстоять перед действительностью, а тем более преодолеть ее.